

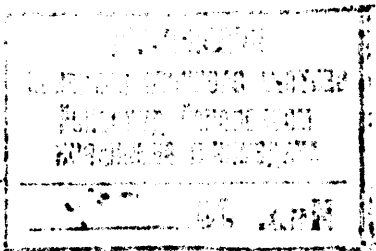
СВѢТСКІЕ АРХІЕРЕЙСКІЕ ЧИНОВНИКИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

I.

Греція, просвѣтивъ Россію христіанствомъ, въ то же время, вмѣстѣ съ христіанствомъ, передала ей свои церковныя учрежденія и законы; она сдѣлалась образцомъ, который Русь постоянно имѣла въ виду при устройствѣ своей религіозно-церковной жизни, вслѣдствіе чего эта послѣдняя необходимо должна была слагаться подъ греческимъ вліяніемъ ¹⁾. Но если, съ одной стороны, наша церковная жизнь устроилась по образцу греческому, то, съ другой стороны, она не могла не подчиниться и особенностямъ собственно русской жизни. Послѣдняя была непохожа на жизнь греческую, и потому-то, что было пригодно и умѣстно въ Греціи, не могло быть безъ передѣлокъ и примѣненій перенесено на русскую почву. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя церковныя учрежденія Греціи, особенно тѣ, которыя выработались подъ вліяніемъ особенностей чисто греческой жизни, будучи перенесены на Русь, необходимо должны были съ нѣкоторыхъ сторонъ, въ силу вліянія особенностей русской жизни, потерпѣть болѣе или менѣе существенныя измѣненія и явиться у насъ въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели какъ онѣ были въ Греціи. Такъ, на примѣръ, вмѣстѣ съ христіанствомъ Русскіе приняли отъ Грековъ и номоканонъ, который имѣлъ очень большое вліяніе на всю жизнь русскаго общества ²⁾. Но мы знаемъ, что только первая часть номоканона, содержащая въ себѣ правила апостольскія, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и пра-

¹⁾ Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи».

²⁾ См. статью Калачева «о значеніи кормчей въ системѣ русскаго права». Чт. общ. Ист. 1847 г. № 3.

вила св. отцевъ, была принята у насъ вполне безусловно, безъ всякихъ измѣненій, какъ содержащая въ себѣ законы церковные, обязательные для всѣхъ частныхъ церквей. Напротивъ что касается до второй части номоканона, въ которой заключались законы гражданскіе по дѣламъ церковнымъ, то эти законы не были приняты русскими безусловно, но, какъ показываютъ уставы Владиміра и Ярослава, они подверглись у насъ значительнымъ измѣненіямъ, которыя необходимо требовались особенностями и совершенно иными, нежели въ Греціи, условіями жизни русскаго общества ¹⁾. Такъ было въ области церковно-гражданскаго законодательства, такъ было и въ области церковнаго управленія. Существенныя черты церковнаго управленія, опредѣленныя уже отчасти въ св. писаніи, но раскрытыя главнымъ образомъ въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ православной церкви, каковы постановленія о значеніи соборовъ, власти митрополита, епископа, ихъ архипастырскихъ отношеній къ низшему духовенству и пр. во всей силѣ приняты были русскою церковію и всегда считались у насъ необходимымъ условіемъ истинно православной церковной жизни. Совѣтъ иное мы видимъ въ устройствѣ внѣшняго церковнаго управленія, которымъ церковь ближе всего соприкасается съ жизнью мѣстнаго гражданскаго общества, и вліяніе послѣдняго на эту именно сторону церковнаго управленія всегда бываетъ поэтому особенно сильно и замѣтно. Внѣшнія формы церковнаго управленія, выработанныя подъ вліяніемъ особенностей собственно греческой жизни, не могли быть всецѣло перенесены къ намъ, ибо необходимо встрѣтились у насъ съ особымъ характеромъ и формами русской государственной жизни, которыя естественно должны были произвести свое воздѣйствіе на церковное управленіе и такъ или иначе отразиться на немъ. Церковь, существуя въ государствѣ, тѣсно органически соединенная съ нимъ, не могла не уступить его вліянію, особенно въ устройствѣ внѣшнихъ формъ церковнаго и въ частности епархіальнаго архіерейскаго управленія, такъ что послѣднее поэтому съ теченіемъ времени естественно сложилось въ томъ видѣ, какъ того требовали особенности русской жизни и слѣдовательно, только съ точки зрѣнія этихъ особенностей оно можетъ быть понято и объяснено.

Церковное епархіальное управленіе въ первые вѣка христіанства отличалось простотою и несложностію, только съ тече-

ніемъ времени при архіереяхъ начинаютъ появляться различныя чины и должности, между которыми раздѣлены были всѣ отрасли архіерейскаго управленія. Для насъ конечно въ этомъ отношеніи важна особенно церковь Константинопольская, отъ которой мы приняли христіанство, которая служила намъ образцемъ въ устройствѣ нашей церковной жизни и потому мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о церковныхъ чинахъ и должностяхъ при константинопольскомъ патріархѣ, какъ они сложились уже въ позднѣйшее время въ IX, X и XI столѣтіяхъ, когда Греція передала намъ христіанство.

При патріархѣ константинопольскомъ образовался съ теченіемъ времени цѣлый дворъ, состоявшій изъ разныхъ духовныхъ сановниковъ, между которыми точно и опредѣленно раздѣлены были различныя отрасли церковнаго патріаршаго управленія. По однимъ каталогамъ эти чины раздѣлялись на шесть, а по другимъ на девять пятерицъ ¹⁾. Изъ нихъ особенное значеніе во всемъ патріаршемъ управленіи имѣли лица, принадлежавшія къ первой пятерицѣ, такъ называемыя „ἑξωχαρακίσι“. Сюда относится великій эконо́мъ, который управлялъ всѣми недвижими имуществами патріаршей епархіи, завѣдывалъ всѣми доходами патріаршими и епархіальными, давалъ отчетъ во всемъ управленіи патріарху. Великій Сакелларій, который завѣдывалъ управленіемъ монастырей, или, какъ выражается Аляцій, «заботился о всемъ, касающемся монастырей, защищалъ ихъ права, завѣдывалъ ихъ отчетами, приходами и расходами, и повѣрялъ ихъ, наблюдая въ тоже время за образомъ жизни и правами монашествующихъ и дважды въ годъ доносилъ о всемъ патріарху» ²⁾. Великій Скевофилаксъ, который завѣдывалъ всею церковною утварью какъ въ великой константинопольской церкви, такъ и въ епархіи, доходами собственно храмовыми, а также и доходами, поступавшими въ пользу клира, и наблюдалъ за благочи́ніемъ въ храмѣ. Но особенно важною, почетною и вліятельною должностію при дворѣ константинопольскаго патріарха была должность великаго хартофилакса, обязанности котораго были особенно разнообразны: онъ давалъ разрѣшеніе на постройку церквей

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о чинахъ константинопольской церкви мы заимствуемъ изъ сочиненій Павла: «о должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви» и Zhishman'a: «Die synoden und die episkopal—Amter in der morgenlandischen Kirche».

²⁾ Павла... 159.

¹⁾ Макарія «Исторія Русской церкви». т. 1, отд. IV.

и монастырей, избиралъ и представлялъ къ поставленію священнослужителей, наблюдалъ за вѣрою, благочестіемъ и нравами всѣхъ и каждаго, завѣдывалъ дѣлами брачными и рѣшалъ различныя недоумѣнія, возникавшія по этимъ предметамъ въ церкви, судилъ по дѣламъ церковнымъ всѣхъ безъ исключенія, а клириковъ и по дѣламъ гражданскимъ, и подвергалъ виновныхъ наказаніямъ, какихъ они заслуживали. Черезъ него патриархъ дѣлалъ всѣ свои распоряженія: онъ записывалъ рѣшенія патриарха, скрѣплялъ ихъ своею печатью и надписью, и передавалъ волю патриарха собору епископовъ; въ отсутствіе патриарха онъ предсѣдательствовалъ на патриаршемъ соборѣ въ качествѣ патриаршаго намѣстника и его голосъ имѣлъ здѣсь очень рѣшительное значеніе во всѣхъ дѣлахъ. Его власть не ограничивалась извѣстною только частію патриархата, какъ это было съ другими сановниками патриаршими, но простиралась на весь округъ патриарха константинопольскаго, проникала даже въ округи другихъ патриарховъ, если тамъ признавалась къмъ либо власть патриарха константинопольскаго. Не ограничивалась его власть и какимъ нибудь однимъ только родомъ лицъ и дѣлъ, но простиралась на лица и дѣла самыя разнородныя. Отъ него зависѣли даже и епископы, потому что онъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ избраніи и въ судѣ надъ ними, и потому, что ни одинъ епископъ, явившійся въ Константинополь, безъ его согласія не могъ получить доступа къ патриарху. *Сакеллъ* наблюдалъ за приходскими церквами съ ихъ хозяйственной стороны и за нравственностію клириковъ, служившихъ при церквахъ. Кромѣ этого на него возлагались еще слѣдующія обязанности: надзоръ за патриаршею темницею, въ которой содержались клирики, замѣченные въ какихъ нибудь проступкахъ, попеченіе о малой сакеллѣ денежной (или казнохранилицѣ) и наконецъ право принимать подъ свое покровительство прибѣгающихъ къ церкви. Последнимъ членомъ *ἐξωχάταξιων* былъ *протѣдикъ*, впрочемъ къ первой пятерницѣ онъ причисленъ уже только въ позднѣйшихъ спискахъ. На обязанности протѣдика лежало: разбирать тяжбы, особенно уголовныя, возникавшія между клириками съ одной стороны и мірянами съ другой; онъ завѣдывалъ дѣлами лицъ, искавшихъ себѣ освобожденія изъ рабства и вообще защиты отъ притѣсненій; ходатайствовалъ предъ судами гражданскими, какъ по дѣламъ самой церкви, такъ и по дѣламъ лицъ, обращающихся къ ей покровительству.

Перечисленные нами церковныя чины завѣдывали всѣми важнѣйшими отраслями церковнаго управленія, они были начальниками особыхъ присутственныхъ мѣстъ; лица же всѣхъ другихъ пятерницъ были только ихъ помощниками, почти вовсе не имѣли самостоятельнаго круга дѣятельности, но всегда дѣйствовали по указаніямъ и подъ контролемъ какаго либо изъ членовъ первой пятерницы ¹⁾. Вообще о чинахъ при константинопольскомъ патриархѣ нужно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: а) всѣ они избирались всегда исключительно только изъ лицъ духовныхъ и имѣли какую нибудь іерархическую степенъ (пресвитера, или, въ большинствѣ случаевъ, діакона), свѣтскія лица вовсе не допускались къ занятію церковныхъ должностей, какъ при патриаршемъ дворѣ, такъ и при дворахъ другихъ епископовъ, такъ какъ это считалось совершенно не согласнымъ съ строго духовнымъ характеромъ церковныхъ должностей, почему на допущеніе къ нимъ мірянъ всегда смотрѣли какъ на злоупотребленіе ²⁾. б) Церковныя сановники не просто назначались на извѣстную должность, но получали ее съ рукоположеніемъ. «Они, говоритъ о должностныхъ лицахъ при патриархѣ бл. Симеонъ Солунскій, рукополагаются въ судіи особеннымъ образомъ, принимая въ руки божественное Евангеліе, которое есть лучшее руководство, и суть приближенные архіерея и первые его споспѣшники... Всѣ они дѣйствуютъ не просто и какъ случилось, но получая благодать Духа, дабы чрезъ благодать имѣть и благословеніе іерархическое, и освященіе, и дарованіе, и снау для дѣйствования» ³⁾. Особенною торжественностію отличалось рукоположеніе хартофилакса. «Патриархъ, говоритъ Вальсамонъ, надѣвалъ на руку хартофилакса золотое кольцо и на груди его полагалъ своего рода *слово судное* (печать, которая висѣла на цѣпи и полагалась на грудь), имѣя въ виду слова, сказанныя нѣкогда Моисею Господомъ: и возложиши слово судное на грудь Аарону и кольцо сотвориши златое. Наконецъ патриархъ вручалъ хартофилаксу ключи царствія небснаго, также какъ и св. первоверховному ап. Петру даны были они отъ Господа, и какъ Господь говорилъ Петру, такъ и патриархъ говорилъ харто-

¹⁾ Желающихъ ближе познакомиться со всѣми чинами греческой церкви въ ихъ историческомъ развитіи отсылаемъ къ упомянутымъ сочиненіямъ Павла и Zhishman'a.

²⁾ Zhishman, стр. 188 и особенно примѣч. 5.

³⁾ Павла... 135. Zhishman... 203.

филаксу: еже разрѣшиши на земли, разрѣшено будетъ на небеси, и еже свяжеша на земли, будетъ связано на небеси»¹⁾. с) Они участвовали при патриаршемъ служеніи и имѣли при этомъ нѣкоторыя особенныя права и преимущества: общее же отличіе всѣхъ „ἐξωκατάκοιτων“ при богослуженіи состояло въ томъ, что они имѣли кресты на головныхъ покровахъ. д) Отъ желающихъ занять какую либо церковную должность, кромѣ принадлежности къ клиру, требовалась еще строго нравственная жизнь, научное богословское образование и особенно основательное знаніе церковнаго и церковно-гражданскаго законодательства, такъ какъ только подъ этими условіями церковныя сановники могли быть истинными совѣтниками и помощниками патриарха по различнымъ отраслямъ церковнаго управленія. Кромѣ того нѣкоторые изъ сановниковъ дѣлались даже въ послѣдствіи патриархами, чему не разъ были примѣры²⁾, а это заставляло, конечно, помимо всего другаго, обращать строгое вниманіе на нравственныя и умственныя свойства и на научную подготовку лицъ, занимающихъ высшія церковныя должности при патриаршемъ дворѣ. е) Различныя церковныя должности въ греческой церкви появились не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ обязанности и дѣла епископскаго управленія все болѣе и болѣе расширялись и усложнялись, когда епископъ безъ явныхъ опущеній не могъ самъ непосредственно вѣдать всѣхъ дѣлъ и по необходимости долженъ былъ передать ихъ въ вѣдѣніе своихъ помощниковъ, права, обязанности и кругъ дѣятельности которыхъ опредѣлялись опять постепенно, въ теченіе долгаго періода времени, смотря потому, какъ требовали того тѣ или другія условія даннаго времени и положенія церкви; нѣкоторыя изъ этихъ должностей были учреждены даже по образу должностей императорскаго двора³⁾.

Такъ какъ различныя чины и должности при константинопольскомъ патриархѣ явились подъ влияніемъ особенностей и потребностей греческой религіозно-церковной жизни, поэтому они должны были имѣть только мѣстное значеніе, имѣли смыслъ и достигали цѣли только среди извѣстныхъ опредѣленныхъ условій общественной и гражданской жизни; будучи же перенесены на совершенно иную почву, будучи поставлены въ иныя условія

1) *ibid.*... 169—170.

2) *ibid.*... 107.

3) *ibid.*... 118 Zhishman. 94.

общественной и государственной жизни, они теряли свое значеніе и потому не могли существовать въ томъ видѣ, какъ они сложились въ Греціи. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Русь, принявъ отъ Греціи христіанство и подражая ей въ устройствѣ всей своей церковной жизни, не могла однако, по совершенному несходству условій своей общественной и государственной жизни съ общественной и государственною жизнью Греціи, принять церковное епархіальное управленіе въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ константинопольской церкви, но, подобно греческой церкви, должна была выработать свои собственныя ви́шнія формы епархіальнаго управленія, сообразно требованію особенностей чисто русской жизни.

Понятно, что выработка самобытныхъ ви́шнихъ формъ епархіальнаго управленія на Руси совершилась не вдругъ, но въ теченіе длиннаго періода времени, по мѣрѣ того, какъ особенности мѣстной русской жизни все болѣе и болѣе оказывали свое вліяніе на жизнь церковную и подчиняли ее себѣ. Тѣмъ болѣе это должно было совершиться не скоро, — что во главѣ нашей церкви, очень долгое время, стояли іерархи—греки, которые не могли устроить у насъ епархіальное управленіе ни по образу греческой церкви, ни по требованію особенностей русской жизни. Они не могли учредить на Руси того блестящаго многочисленнаго и разнообразнаго двора церковныхъ чиновъ, какой мы видимъ въ константинопольской церкви, уже просто потому, что выработанное жизнью Греціи и перенесенное къ намъ представляло бы странную противоположность съ первобытною простотою русской жизни, которая еще не успѣла тогда установить у себя никакихъ опредѣленныхъ общественныхъ формъ и отношеній. Съ другой стороны, іерархи-греки не могли устроить у насъ епархіальное управленіе и сообразно съ требованіями различныхъ мѣстныхъ особенностей и обстоятельствъ. Грекъ, прибывши на Русь и сдѣлавшись іерархомъ русской церкви, продолжалъ оставаться все таки грекомъ. Онъ даже не считалъ для себя нужнымъ выучиться русскому языку. Онъ не могъ отказать отъ Греціи, не могъ не считать ее образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ, которому Русь должна была подражать,—идеалъ церковнаго управленія онъ конечно видѣлъ въ Греціи и лучшаго не представлялъ себѣ. Очевидно поэтому, что грекъ мало былъ способенъ подчиняться особенностямъ собственно русской жизни, тѣмъ болѣе строить что нибудь на основаніи этихъ особенностей.

Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ епархіальное управленіе въ древней Руси, за все время существованія у насъ митрополитовъ—грековъ, не получило какой либо опредѣленной организаци, но имѣло, такъ сказать, нѣсколько случайный характеръ, чѣмъ, какъ намъ кажется, между прочимъ и объясняется то обстоятельство, что объ епархіальномъ управленіи на Руси до XIV вѣка до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Все, что мы знаемъ относительно этого предмета, заключается въ слѣдующемъ: первоначально, когда христіанство только еще распространялось на Руси, когда епархіи были невелики, паства въ нихъ немногочисленна и когда поэтому дѣла по епархіальному управленію не отличались особою сложностію и разнообразіемъ, всѣмъ въ епархіи управлялъ самъ архіерей. Но по мѣрѣ увеличенія и усложненія дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію архіерея, у него необходимо должны были явиться помощники, и конечно, какъ это всегда было въ Греціи, изъ духовныхъ лицъ,—архіерей—грекъ, вѣрный духу и преданіямъ греческой церкви, не могъ, не измѣнивши ей, допустить свѣтскихъ лицъ къ участию въ епархіальномъ управленіи. Такими помощниками могли быть клирики кафедральнаго собора, которымъ архіерей, какъ ближайшимъ къ нему лицамъ, давалъ нѣкоторые порученія по епархіальному управленію, не учреждая въ тоже время изъ нихъ какихъ либо постоянныхъ должностей съ опредѣленными обязанностями и кругомъ дѣятельности. Естественно, что клиръ кафедральнаго собора съ теченіемъ времени выдвинулся изъ ряда обыкновеннаго приходскаго духовенства и занялъ особое привилегированное положеніе, которое осталось за нимъ и въ послѣдующее время. На такое значеніе кафедральнаго клира въ архіерейскомъ епархіальномъ управленіи въ древнѣйшее время есть нѣкоторыя, хотя и крайне скудныя, указанія. Такъ въ житіи Авраамія Смоленскаго рассказывается, что епископъ Игнатій «призва единого отъ своего честнаго клироса перваго отъ старѣйшихъ протопопа именемъ Георгія; глагола ему о блаженномъ Аврааміи» и пр. ¹⁾; изъ словъ біографа Авраамія видно, что при епископахъ находился ихъ клиросъ, во главѣ котораго стоялъ первый отъ старѣйшихъ протопопъ, его епископъ призываетъ къ себѣ, говоритъ ему объ Аврааміи и повелѣваетъ ему привести его къ себѣ; такимъ образомъ кафедральный протопопъ, не кто либо другой является исполнителемъ воли епископа.

1) Прав. Соб. 1858 г. кн. III, стр. 383.

Въ Новгородѣ рядомъ съ епископомъ часто упоминаются «Софьяне», подъ которыми первоначально разумѣлся клиросъ св. Софій, а потомъ это названіе перенесено было и на свѣтскихъ владычныхъ служилыхъ людей. Софьяне участвовали въ выборѣ и посаженіи владыкъ, сопровождали ихъ въ Псковъ, куда владыки ѣздили чрезъ каждые три года въ четвертый для мѣсячнаго суда. О митрополитѣ Максимѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ, послѣ разоренія Кіева татарами переѣхалъ во Владиміръ съ своимъ клиросомъ ¹⁾. Подъ клиросомъ здѣсь разумѣется собственно архіерейскій клиръ, состоящій изъ разныхъ духовныхъ лицъ, которыя постоянно находились при архіереѣ въ качествѣ исполнителей его распоряженій по различнымъ епархіальнымъ дѣламъ и которыя поэтому не остаются въ Кіевѣ, но переѣзжаютъ вмѣстѣ съ митрополитомъ въ новый городъ, избранный имъ для своего мѣстопробыванія послѣ оставленія Кіева. Такимъ образомъ члены архіерейскаго клироса, находясь постоянно при архіереѣ, какъ ближайшія къ нему лица, были въ древнѣйшее время органами власти архіерея по епархіальному управленію, исполняя тѣ или другія данныя имъ порученія. Кромѣ собственно членовъ клира, не занимавшихъ опредѣленныхъ должностей въ епархіальномъ управленіи, съ теченіемъ времени явились при архіереяхъ и постоянныя должности, это были намѣстники и десятильники. Намѣстники находились какъ при самыхъ архіереяхъ, такъ и въ другихъ важнѣйшихъ городахъ ихъ епархіи, впрочемъ намѣстниковъ при каждомъ архіереѣ было, кажется, не болѣе двухъ или трехъ. Они, какъ показываетъ самое ихъ названіе, были полными представителями архіерейской власти, какими были въ послѣдствіи намѣстники московскихъ митрополитовъ въ Кіевѣ ²⁾. Они избирались всегда изъ духовныхъ лицъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ посланія къ Поликарпу епископа Симона, въ которомъ послѣдній говоритъ, что онъ, если бы Поликарпъ былъ достоинъ, «своими руками поставилъ бы (его) сопредостольникомъ себѣ въ обѣ епископіи: въ Владиміръ и Суздаль ³⁾, а такъ же изъ постановленій владимірскаго собора 1274 года, которыми запрещается ставить намѣстника на мздѣ ⁴⁾. Намѣстники, какъ заступ-

1) Ник. лѣт. III, стр. 96 (подъ 1299).

2) См. ниже «намѣстники».

3) Патерикъ Кіевопечерскій, Викторовой, стр. 26.

4) Рус. дост. ч. I, стр. 112.

пающіе мѣсто епископа по епархіальному управленію, были особенно необходимы при іерархахъ грекахъ, которые не знали ни русскаго языка, ни особенностей и всѣхъ условій русской жизни, и потому по необходимости должны были большую часть непосредственныхъ отношеній къ подчиненному имъ епархіальному духовенству предоставить другимъ уполномоченнымъ отъ нихъ лицамъ, какими и были намѣстники. Для надзора за сельскимъ духовенствомъ, для сбора съ него и прихожанъ пошлинъ въ пользу архіерея съ древнѣйшихъ временъ существовали десятильники, которые избирались изъ духовныхъ лицъ, какъ это видно опять изъ постановленій владимірскаго собора 1274 года. О существованіи какихъ либо другихъ органовъ архіерейской власти въ епархіальномъ управленіи, кромѣ намѣстниковъ и десятильниковъ, мы не имѣемъ изъ древнѣйшаго времени никакихъ свѣдѣній, конечно потому, что другихъ органовъ архіерейской власти, кромѣ указанныхъ, тогда вовсе не было. Представленный порядокъ дѣлъ въ епархіальномъ управленіи продолжался до самаго перенесенія митрополичьей каѳедры изъ Кіева въ Москву и до того времени, какъ на каѳедру митрополита стали возводиться русскіе люди.

Если митрополиты—греки, съ одной стороны, не могли, по рѣшительному несходству условій русской жизни съ греческою, устроить у насъ епархіальное управленіе по образцу константинопольской церкви, съ другой стороны, какъ иностранцы, какъ продолжавшіе и на Руси по прежнему оставаться греками, не могли организовать у насъ епархіальнаго управленія и сообразно особенностямъ нашей жизни; то положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи рѣшительно измѣнилось послѣ того, какъ митрополичья каѳедра изъ Кіева была перенесена сначала во Владиміръ, а потомъ въ Москву. Прежнія подчиненныя отношенія русской церкви къ константинополю въ Москвѣ сильно и скоро измѣнились, вліяніе константинопольской патріархіи сдѣлалось довольно слабымъ и мало замѣтнымъ, русская церковь стала жить своею собственною, независимою отъ Константинополя жизнью, а это естественно открывало полный просторъ ничѣмъ теперь не сдерживаемому вліянію на церковную жизнь, чисто мѣстнымъ особенностямъ, подчинило церковную жизнь условіямъ данной русской общественной и государственной жизни, которая такъ или иначе должна была отразиться на церковномъ управленіи, наложить на него своеобразный русскій характеръ. Съ другой стороны, послѣ перенесенія митрополичьей каѳедры въ

Москву, митрополиты стали избираться изъ русскихъ. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что митрополиты изъ русскихъ, которые воспитались и жили въ условіяхъ исключительно русской жизни, легче и скорѣе поэтому, нежели греки, подчинялись всѣмъ особенностямъ этой жизни и потому самому болѣе нежели греки способны были устроить свое епархіальное управленіе въ томъ видѣ, какъ того требовали отъ нихъ различныя мѣстныя особенности и обстоятельства. Это вполне подтверждается примѣромъ новгородской епархіи, которая вѣроятно оказала потомъ вліяніе и на митрополию, когда тамъ стало организоваться епархіальное управленіе сообразно особенностямъ русской жизни. Въ Новгородѣ, гдѣ владыки со времени Луки Жидяты всегда избирались изъ русскихъ, гдѣ вліяніемъ особенностей мѣстной жизни на церковную съ первыхъ временъ введенія христіанства не было поставлено никакихъ преградъ, уже давно образовался самобытный порядокъ архіерейскаго епархіальнаго управленія, именно въ томъ духѣ и направленіи, какъ онъ сложился потомъ и въ митрополіи. Новгородскій владыка рано выдѣлился изъ ряда другихъ архіереевъ по своему особому положенію въ епархіи; онъ былъ въ Новгородѣ не только духовный правитель, но и гражданскій дѣятель, особенно съ половины XII вѣка, когда владыка сталъ выбираться вѣчемъ. Всѣ православные новгородскіе владыки были не столько великіе пастыри и учителя церкви, сколько замѣчательные дѣятели на гражданскомъ и политическомъ поприщѣ; такими ихъ всегда изображаютъ новгородскіе лѣтописцы. Вслѣдствіе особаго положенія архіепископа въ средѣ новгородской общины, вслѣдствіе лежавшихъ на немъ различныхъ гражданскихъ обязанностей и даже земскихъ повинностей, вся его власть и все его собственно церковное управленіе рано получили мірской характеръ; а значительныя земельныя имущества, которыми съ древнѣйшихъ временъ владѣла новгородская каѳедра, дали владыкамъ возможность имѣть у себя на службѣ свѣтскихъ служилыхъ людей, которые поэтому появляются у нихъ ранѣе, чѣмъ при другихъ епископахъ. Такъ уже съ первыхъ временъ христіанства въ Новгородѣ владыки его имѣли у себя слугъ изъ «простой чади», какъ это видно изъ исторіи Луки Жидяты, оклеветаннаго предъ митрополитомъ своими рабами ¹⁾ и изъ разсказа о смерти владыки

¹⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 122.

Стефана, задушеннаго своими холопами ¹⁾. Въ половинѣ XII вѣка при первомъ выборномъ владыкѣ Аркадіѣ упоминается Тіунъ Тупочель ²⁾. Изъ начала XIII вѣка въ лѣтописяхъ упоминаются двѣ должности «владычній стольникъ» и «стольникъ софійскій» ³⁾, — въ чемъ состояли эти должности и чѣмъ различались между собою, рѣшительно не извѣстно. Но во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что еще съ самаго начала XIII вѣка и вѣроятно ранѣе при новгородскихъ епископахъ существовали свѣтскіе служилые люди, остается несомнѣннымъ. Переходъ же свѣтскихъ служилыхъ людей епископа изъ чиновниковъ по управленію домомъ и имѣніями въ чиновники епархіальные при извѣстныхъ условіяхъ тогдашней русской церковной жизни, которыя мы рассмотримъ ниже, былъ очень не труденъ, особенно въ новгородской епархіи, гдѣ епископъ былъ вмѣстѣ и гражданскимъ дѣятелемъ, гдѣ смѣшеніе церковнаго и свѣтскаго было явленіемъ всегдашнимъ, обычнымъ, и гдѣ поэтому легче и скорѣе всего могла появиться своеобразная церковная администрація, состоящая изъ свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея, которые въ одно и то же время были и придворными архіерейскими слугами и епархіальными чиновниками, завѣдывавшими различными епархіальными дѣлами, исключая дѣлъ строго духовныхъ. То же самое явленіе произошло и въ митрополіи, какъ скоро она въ Москвѣ стала внѣ подавляющаго вліянія и зависимости отъ Константинополя, какъ скоро митрополиты стали избираться изъ русскихъ и вся церковная жизнь вмѣстѣ съ этимъ стала на русскую почву, въ среду исключительно русскихъ условій. Митрополиты въ Москвѣ самою силою обстоятельствъ, о которыхъ скажемъ ниже, вынуждены были позаботиться объ организаціи своего епархіальнаго управленія сообразно даннымъ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ, именно: примѣнительно къ строю и наличнымъ формамъ тогдашняго государственнаго управленія.

Въ первый разъ въ митрополіи свѣтскіе служилые люди упоминаются при митрополитѣ Алексіѣ. Это объясняется съ одной стороны тѣмъ, что къ этому времени земельныя владѣнія митрополичей кафедрѣ сдѣлались очень значительны, такъ что митрополиты сами непосредственно не могли пользоваться всѣми свои-

¹⁾ *ibid.* стр. 212.

²⁾ Макарія Опис. Новг. арх. дома, стр. 96.

³⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 44.

ми землями, вслѣдствіе чего, имѣя предъ глазами примѣръ государства, стали отдавать ихъ на извѣстныхъ условіяхъ (о которыхъ скажемъ ниже) различнымъ свѣтскимъ служилымъ лицамъ въ пожизненное пользованіе и такимъ образомъ усвоили въ управленіи церковными землями ту же помѣстную систему, какая введена была князьями при управленіи государственными землями. Съ другой стороны появленіе свѣтскихъ служилыхъ людей особенно изъ знатныхъ боярскихъ родовъ при митрополитѣ Алексіѣ объясняется отчасти самою личностію и особымъ положеніемъ св. Алексія. Онъ пользовался самымъ высокимъ авторитетомъ не только въ дѣлахъ церковныхъ, но и государственныхъ, онъ былъ не только церковный дѣятель, но и выдающийся государственный человекъ, соединявшій въ своемъ лицѣ власть государственную и церковную, онъ былъ первымъ митрополитомъ, при которомъ достоинство митрополита стало на необыкновенную дотолѣ высоту. При такихъ обстоятельствахъ вполне было естественно, что люди знатныхъ и именитыхъ родовъ охотно шли теперь на службу къ митрополиту, такъ что около него скоро явился довольно многочисленный классъ свѣтскихъ служилыхъ людей знатныхъ и не знатныхъ фамилій, подобно тому, какъ это было при дворахъ владѣтельныхъ князей того времени. Изъ принятыхъ на службу нѣсколькихъ служилыхъ лицъ митрополитъ сталъ учреждать различныя чины и должности при своемъ дворѣ, раздавалъ имъ въ управленіе церковныя земли и, что очень вѣроятно, давалъ имъ иногда нѣкоторыя частныя порученія и по дѣламъ, относящимся собственно къ епархіальному управленію, чѣмъ положено было начало тому строю епархіальнаго управленія, которое, окончательно сложившись уже въ XV вѣкѣ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ явилось довольно точнымъ отображеніемъ тогдашняго государственнаго управленія и отличительную черту котораго составляетъ существованіе свѣтскихъ чиновниковъ подобныхъ княжескимъ съ обширными правами и полномочіями въ дѣлахъ епархіальнаго управленія. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ сказать того, чтобы до св. Алексія при митрополитахъ вовсе не было свѣтскихъ служилыхъ людей, но что только съ него начали поступать на службу къ митрополитамъ знатные боярскіе роды, которые, по самому своему происхожденію и общественному положенію, не могли быть только простыми слугами, что онъ сталъ учреждать изъ нихъ при своемъ дворѣ и для управленія церковными землями тѣ же чины, какіе были въ то время и у князя, и что

онъ первый сталъ давать своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ нѣкоторыя порученія по епархіальному управленію и такимъ образомъ былъ первымъ митрополитомъ, отъ котораго свѣтская церковная администрація въ митрополіи получила начало для своего существованія. Послѣдующіе митрополиты его преемники только приняли и далѣе развили то, чему начало положилъ св. Алексій, что освящено было авторитетомъ человѣка, проявившаго въ своей дѣятельности высокія государственныя способности и кромѣ того признаннаго церковію за великаго угодника Божія. Что св. Алексій дѣйствительно первый изъ митрополитовъ сталъ принимать къ себѣ на службу разныхъ свѣтскихъ служилыхъ людей и придалъ имъ то значеніе, которое они съ этого времени имѣли при дворѣ митрополита и въ его епархіальномъ управленіи, это подтверждается слѣдующими данными. Въ житіи митрополита Петра, составленномъ митрополитомъ Кипріаномъ, рассказывается, что нѣкто игумень Геронтій хотѣлъ самовольно получить санъ митрополита, для чего «пріемлетъ святительскую одежду и утварь, подѣмлетъ и жезлъ пастырскій и сановники церковныя и поиде къ Константину граду». Когда проски Геронтія не удалось и въ митрополиты былъ поставленъ св. Петръ, то патриархъ передалъ ему отобранныя у Геронтія святительскія ризы, пастырскій жезлъ и церковныя сановники¹⁾. Сопоставляя это извѣстіе степенной книги съ лѣтописнымъ сказаніемъ объ отправленіи Митяя въ Константинополь для поставленія въ митрополиты, гдѣ говорится, что Митяя сопровождали между другими и митрополичы бояре²⁾, мы въ правѣ заключить, что если при митрополитѣ Петрѣ упоминаются только церковныя сановники, а при Митяѣ, при тѣхъ же совершенно обстоятельствахъ, уже митрополичы бояре, то слѣдовательно, они появились въ первый разъ только при митрополитѣ Алексѣ. Тоже подтверждается и другими данными. Въ уставной грамотѣ вел. кн. Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріаномъ говорится: «а кто будетъ боярь и слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту и приказался ново митрополиту» и пр.³⁾. Очевидно, что во время составленія упомянутой уставной грамоты бояре только что начали поступать на службу къ митрополитамъ «ново приказались митрополиту», и старѣйшими изъ нихъ называются

1) Степен. кн. ч. 1, стр. 414, 416.

2) Ник. лѣт. IV, стр. 74.

3) А. Э. 1, № 9.

только тѣ, которые служили Алексѣю митрополиту, неранѣе. Съ другой стороны, до уставной грамоты в. князя съ митрополитомъ Кипріаномъ отношенія митрополичыхъ боярь и слугъ къ князю, какъ это видно, еще не были опредѣлены, что опять указываетъ на ихъ очень недавнее появленіе на службѣ митрополита, въ противномъ случаѣ князья ранѣе позаботились бы поставить митрополичыхъ служилыхъ людей въ опредѣленные отношенія къ себѣ и тогда уставная грамота съ митрополитомъ Кипріаномъ была бы ненужна вовсе. Въ родословной книгѣ находится извѣстіе, что къ митрополиту Алексѣю поступилъ на службу его младшій братъ Теофанъ, родъ котораго подъ названіемъ Фоминыхъ остался на службѣ и у послѣдующихъ митрополитовъ¹⁾. Изъ представленныхъ свидѣтельствъ съ несомнѣнностію можно заключить, что бояре и вообще болѣе знатныя служилые люди стали поступать на службу къ митрополитамъ только со времени св. Алексѣя. Послѣ него митрополичы бояре и слуги упоминаются при всѣхъ его преемникахъ: Митяѣ²⁾, Кипріанѣ³⁾, Фотіѣ⁴⁾, а съ конца XV вѣка дошедшія до насъ свидѣтельства говорятъ уже не только о существованіи свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, но и объ ихъ обязанностяхъ и дѣятельности.

Такимъ образомъ основаніе существованію и дальнѣйшему развитію въ митрополіи свѣтскаго архіерейскаго чиновничества положено было только въ Москвѣ, когда сюда перенесена была митрополичья кафедра, и когда митрополиты стали избираться изъ русскихъ. Что же касается времени появленія свѣтскихъ чиновниковъ у другихъ епархіальныхъ архіереевъ, то объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, исключая новгородскаго владыки, у котораго, какъ мы видѣли, свѣтскіе служилые люди явились гораздо ранѣе, чѣмъ въ митрополіи. Очень вѣроятно, что и у нѣкоторыхъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ свѣтскіе чиновники появились тоже ранѣе, чѣмъ въ митрополіи, такъ какъ причины и условія, вызвавшія собою существованіе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, имѣли свою силу въ XIII уже столѣтіи (ихъ дѣйствіе въ митрополіи задерживалось указанными выше причинами); по-

1) Времен. кн. X, стр. 98, 100, 179, 260.

2) Ник. лѣт. IV, 74.

3) А. Э. 1, № 9. А. И. 1, № 205. П. С. Р. Л III, 98. IV, 100. V, 256.

4) Ник. лѣт. V, 82.

этому вполне возможно, что в то время, когда при митрополитах только что начали появляться свѣтскіе служилые люди, они ранѣе существовали уже при дворахъ нѣкоторыхъ другихъ архіереевъ особенно сѣверныхъ епархій. Очень вѣроятно, что св. Алексій не поступалъ какъ новаторъ, когда учреждалъ при своемъ дворѣ и для управленія церковными землями различные чины и должности изъ свѣтскихъ служилыхъ лицъ и когда допускалъ послѣднихъ къ участию въ епархіальныхъ дѣлахъ, но только вводилъ и въ митрополиі тотъ именно порядокъ управленія церковными землями и отчасти епархіею, который ранѣе уже возникъ и фактически существовалъ въ нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ, и каковой порядокъ онъ, какъ государственный человекъ, находилъ дѣйствительно болѣе удобнымъ, болѣе соответствующимъ и подходящимъ ко всему строю и особенностямъ тогдашней русской государственной жизни. Важность дѣятельности св. Алексія въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что онъ принялъ именно этотъ порядокъ, узаконилъ и упрочилъ своимъ авторитетомъ его дальнѣйшее существованіе и развитіе, такъ что послѣ него свѣтскіе чиновники изъ служилыхъ людей архіереевъ появились уже во всѣхъ епархіяхъ сѣверо-восточной Руси и законность ихъ существованія никто не думалъ оспаривать до самаго собора 1667 года.

Свѣтское архіерейское чиновничество какъ оно сложилось въ Москвѣ, придадо епархіальному управленію древней Руси своеобразный чисто русскій характеръ. Если въ Греціи епархіальный архіерей былъ окруженъ постоянно духовными лицами, съ помощью и при посредствѣ которыхъ онъ управлялъ всѣми дѣлами своей епархіи, свѣтскія же лица совершенно не допускались къ участию въ епархіальныхъ дѣлахъ, такъ что одного взгляда на обстановку и окружающихъ греческаго архіерея лицъ достаточно, чтобы признать въ немъ духовнаго іерарха-архипастыря церкви, то далеко не то впечатлѣніе выносится, если мы посмотримъ на всю обстановку и лицъ окружающихъ архіерея древней Руси, послѣ того какъ у нихъ появились свѣтскіе служилые люди. Обстановка жизни нашихъ іерарховъ носила во многомъ свѣтскій мірской характеръ. У нихъ были обширныя земельныя владѣнія и множество крестьянъ, всевозможныя хозяйственныя и промышленныя заведенія и учрежденія, они занимались, чрезъ посредство своихъ слугъ ¹⁾ торговлею, они

¹⁾ Такъ съ подорожной своему слугѣ митрополитъ Филиппъ говоритъ,

содержали свой собственный военный полкъ, который являлся на войну вмѣстѣ съ княжескими войсками, у митрополита былъ особый митрополичій воевода; полкъ новгородскаго владыки составлялъ нѣчто самостоятельное въ ряду новгородскихъ войскъ и, кажется, не всегда подчинялся общему главнокомандующему. Дворъ русскаго архіерея, особенно митрополита и потомъ патріарха, былъ наполненъ толпою свѣтскихъ служилыхъ людей, подобно двору владѣтельнаго князя; мы видимъ архіерея окруженнымъ его собственными боярами, дѣтьми боярскими, дворянами, которые сопровождаютъ его при всѣхъ выходахъ и входахъ въ качествѣ его постоянной свиты ¹⁾; патріарху на его торжественныхъ обѣдахъ прислуживаютъ стольники, кравчіе, чашники, дьяки, подобно тому, какъ это было на обѣдахъ царя. Среди этой многочисленной толпы свѣтскихъ служилыхъ людей, окружавшихъ древне-русскаго архіерея ²⁾, мы рѣдко и мало видимъ собственно духовныхъ лицъ, конечно потому, что онѣ не занимали при дворѣ архіерея никакихъ опредѣленныхъ должностей, подобно свѣтскимъ чиновникамъ, и потому послѣдніе почти совершенно заслоняли ихъ собою. Невольно, глядя на указанную обстановку жизни нашихъ іерарховъ, является мысль, что они при устройствѣ своего двора и разныхъ придворныхъ чиновъ подражали князьямъ, вслѣдствіе чего по вышней обстановкѣ своей жизни они во многомъ напоминали ихъ. Впечатлѣніе въ этомъ отношеніи еще болѣе усилится, если мы посмотримъ на самое епархіальное управленіе архіерея. Вотъ что говоритъ о немъ священникъ Георгій Скрипица въ лицо всѣмъ архіереямъ, присутствовавшимъ на соборѣ 1503 года: «Господа священноначальницы! Благословно ни сами, ни священники избранными, не дозираще священникомъ, а во грады и села не посылаете опытывати, како кто пасеть церковь Божию, назираете священ-

обращаясь къ различнымъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ: «послалъ есмь сынове, сега своего слугу съ добромъ пречистыя Богородицы торговати. ци бы што прибыло церкви Божіей въ подможеніе». Ранѣе митр. Іона посылалъ своего слугу въ Казань «съ своею рухлядью». (А. И. 1, № 67, 79).

¹⁾ Напримѣръ о посѣщеніи патр. Іосифомъ царя говорится: «а патріаршъ бояринъ шилъ предъ патріархомъ до передней, а дѣти боярскіе патріарши шилъ до переграды». (Др. вивл. VI, стр. 30² и 31²).

²⁾ Употребляя общее выраженіе «древне-русскій архіерей», мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ митрополитовъ и потомъ патріарховъ, такъ какъ о служилыхъ лицахъ другихъ епархій архіереевъ, исключая новгородскаго, не сохранилось почти никакихъ данныхъ.

БИБЛИОТЕКА
СЕКТОРА ЗАКОНОГО ОБУЧЕНИЯ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ
Инд. № 587

никовъ по царьскому чину земнаго царя бояры и дворецкими, недѣльщики, тиуны и доводчики, своихъ дѣла прибитковъ, а не по достойно святительскому. Апостоль пишетъ: служащии олтарю, съ олтаремъ содѣляются. И вамъ достоить пасти церковь священниками богобоязневыми, а не мірскимъ воинствомъ»¹⁾. Нѣтъ никакихъ данныхъ не вѣрить приведеннымъ словамъ священника Скрипичи объ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи тогдашняго времени, или чѣмъ либо ослаблять ихъ силу. Напротивъ, всѣ историческія данныя говорятъ, что у архіереевъ несомнѣнно было много свѣтскихъ чиновниковъ: бояръ, дьяковъ, десятильниковъ, тиуновъ, приставовъ, дворецкихъ волостелей и пр. и что они дѣйствительно «назирали церковь по царскому сану земнаго царя». Если бы упомянутые чиновники существовали только въ качествѣ слугъ архіерея, только какъ его придворный штатъ не болѣе, то дѣло бы объяснялось просто тѣмъ, что такъ какъ въ то время пышность двора, множество и разнообразіе служилыхъ лицъ, считалось необходимою принадлежностью всякаго богатаго высокопоставленнаго лица, то и архіереи, какъ лица богатые и занимавшія самое высшее общественное положеніе, устроили свой дворъ по образцу княжескаго двора, учредили у себя придворныя должности бояръ, дѣтей боярскихъ, дворецкихъ и пр. Но дѣло получаетъ совершенно иной видъ, когда мы узнаемъ, что вышеупомянутые чиновники не были только простыми слугами архіерея, штатомъ содержимымъ для блеска архіерейскаго двора, но были вмѣстѣ и чиновниками епархіальными; чрезъ нихъ архіереи завѣдывали различными отраслями епархіальнаго управленія,—такъ что судъ, надзоръ за жизнью и дѣятельностію духовенства и финансы епархіи находились въ ихъ рукахъ; только въ дѣла чисто духовныя они не имѣли права вмѣшиваться, они судили затѣмъ всѣхъ свѣтскихъ лицъ по дѣламъ, которыя опредѣленно и точно были перечислены стоголовымъ соборомъ и наконецъ всѣхъ крестьянъ, жившихъ на архіерейскихъ земляхъ.

Епархіальное управленіе со времени св. Алексѣя митрополита явилось въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ всего управленія стоялъ епархіальный архіерей, завѣдывавшій главнымъ образомъ чисто духовными дѣлами епархіи, вѣртно при посредствѣ протопоповъ и архимандритовъ, которые, не занимая никакихъ опредѣленныхъ должностей по епархіальному управленію, испол-

¹⁾ Чт. общ. вѣст. 1848 г. № 6, смѣсь, стр. 48.

няли по указанію архіерея тѣ или другія частныя его порученія по епархіальнымъ собственно строго—духовнымъ дѣламъ. Всѣ гражданскія и финансовыя дѣла архіереи поручали вѣдѣнію своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, подъ своимъ высшимъ надзоромъ. Непосредственно за архіереемъ слѣдовали такъ называемые архіерейскіе бояре, которые постоянно находились при архіереѣ и составляли изъ себя нѣчто въ родѣ нынѣшней консисторіи; они творили судъ и расправу надъ всѣмъ духовенствомъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, подъ непремѣннымъ впрочемъ условіемъ доклада самому архіерею; только послѣ его разсмотрѣнія они произносили рѣшительный приговоръ. Они же разсматривали и всѣ неки свѣтскихъ лицъ, подаваемые на имя архіерея. Очень вѣроятно, что бояре предварительно разсматривали и обвиненія противъ духовныхъ лицъ въ какихъ либо чисто духовныхъ проступкахъ; по крайней мѣрѣ стоголовый соборъ, запрещая боярамъ даже присутствовать на судѣ строго духовномъ, въ тоже время говоритъ, чтобы недѣльщики духовныхъ лицъ, обвиняемыхъ въ духовныхъ преступленіяхъ, представляли напередъ предъ архіерейскихъ бояръ, а тѣ ставили предъ святителями для суда. Обязанность бояръ въ этихъ дѣлахъ состояла въ томъ, чтобы не рѣшая дѣла, уяснить различныя его обстоятельства и тѣмъ способствовать скорѣйшему и правильному его рѣшенію. При боярахъ всегда были дьяки въ качествѣ секретарей. За боярами слѣдовали намѣстники, о которыхъ сохранились очень отрывочныя и недостаточныя свѣдѣнія, и десятильники, жившіе по городамъ въ особыхъ десятильничьихъ домахъ и завѣдывавшіе отдѣльными округами—десятинами, на которыя обыкновенно дѣлились всѣ епархіи. Десятильники завѣдывали административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ своего округа; они каждый годъ два раза объѣзжали свои десятины, творили въ нихъ судъ и расправу, собирали свои и архіерейскія пошлыны,—только въ дѣлахъ строго духовныхъ они не могли судить духовенства, а обязаны были немедленно представлять виновныхъ на судъ самого святителя. Десятильникамъ приданы были, находившіеся въ ихъ распоряженіи тиуны, приставы, праведчики, доводчики, исполнявшіе различныя, по большей части полицейскія обязанности по суду, расправѣ, сбору пошлынъ и пр. Для исполненія различныхъ непосредственныхъ распоряженій архіерея по дѣламъ епархіи у него были свои собственные тиуны, недѣльщики и вообще, такъ называемые, приказные люди. Всѣми собственно

домовыми дѣлами архіерея: служащими у него лицами, домовымъ хозяйствомъ, управленіемъ церковныхъ земель, судомъ и расправою надъ жившими на этихъ земляхъ лицами, завѣдывалъ архіерейскій дворецкій. Для управленія отдѣльными волостями, принадлежавшими каедрѣ, какъ имѣнія, за тѣмъ селами и деревнями существовали особые чиновники подъ именемъ волостелей и прикащиковъ, со своими тиунами, недѣльщиками, доводчиками. Такъ называемою домовою архіерейскою пашнею завѣдывали поселскіе, которые избирались по большей части изъ монашеской брѣтніи, иногда впрочемъ и они назначались изъ свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея. Только должность одного казначея при архіереяхъ всегда предоставлялась монахамъ и иногда свѣтскимъ лицамъ.) Такимъ образомъ управленіе епархіею и имѣніями архіереи производили почти исключительно при посредствѣ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, исключая управленія по дѣламъ чисто духовнымъ. Дѣла послѣдняго рода вѣдались или непосредственно самимъ архіереемъ, или по его порученію архимандритами и протопопами, при чемъ ни откуда не видно, чтобы духовныя лица занимали какія нибудь опредѣленныя и постоянныя должности по епархіальному управленію, подобно свѣтскимъ архіерейскимъ чиновникамъ.) Впрочемъ были и исключенія въ этомъ отношеніи, именно въ управленіи псковской церкви. Псковская область въ церковно административномъ отношеніи дѣлилась съ древнѣйшихъ временъ на соборы или купы. Всѣхъ соборовъ или купъ въ Псковѣ было въ половинѣ XVI в. семь ¹⁾, они образовались постепенно по мѣрѣ увеличенія такъ называемаго некупнаго духовенства ²⁾. Къ городскимъ соборамъ приписывалось и все сельское духовенство, только съ 1544 года оно отдѣлилось отъ городского духовенства, получило себѣ особаго поповскаго старосту и составило самостоятельную купу ³⁾. Во главѣ Псковскихъ соборовъ или купъ стоялъ поповскій староста, который избирался изъ среды мѣстнаго духовенства. Онъ наблюдалъ за правильнымъ исполненіемъ обязанностей священниками его собора, за церковнымъ благочиніемъ въ своемъ округѣ, за правильною раскладкою и сборомъ архіерейскихъ пошлицъ съ духовенства и проч. Свѣтскія лица, въ качествѣ архіерейскихъ чиновниковъ, не

¹⁾ П. С. Р. Л. V, стр. 306.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, стр. 191, V, 211, 215, 221, 243. А. И. I, № 283.

³⁾ П. С. Р. Л. V, стр. 306.

принимали никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ и управленіи псковской церкви до самаго паденія независимости Пскова. Раздѣленіе духовенства на соборы или купы, съ выборными поповскими старостами во главѣ, имѣло мѣсто только во Псковѣ и отчасти въ Новгородѣ ¹⁾, хотя въ послѣднемъ, какъ и во всѣхъ другихъ епархіяхъ древней Руси, главную роль въ епархіальномъ управленіи играли свѣтскіе архіерейскіе чиновники. Указанное устройство псковскаго духовенства стоглавый соборъ взялъ какъ образецъ для организаціи управленія низшаго духовенства во всѣхъ епархіяхъ безъ исключенія. Онъ подѣлилъ всѣ епархіи на округа, для каждой группы приходовъ, образовавшей изъ себя нѣчто въ родѣ псковской купы, велѣлъ духовенству выбрать изъ среды себя поповскаго старосту, который бы наблюдалъ въ своемъ округѣ за церковнымъ благочиніемъ и собиралъ съ подвѣдомственнаго ему духовенства пошлицы, которыя шли въ пользу мѣстнаго архіерея. Такимъ образомъ поповскіе старосты, по мысли стоглаваго собора, должны были отчасти ограничить власть и значеніе въ епархіальномъ управленіи свѣтскихъ чиновниковъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и совсѣмъ замѣнить ихъ. Но это постановленіе стоглаваго собора не измѣнило однако прежняго положенія дѣлъ: а) вмѣстѣ съ поповскими старостами соборъ призналъ существованіе и извѣстныя права свѣтскихъ чиновниковъ въ епархіальномъ управленіи; б) роль поповскихъ старостъ была слишкомъ ничтожна даже сравнительно съ десятильниками; въ судебныхъ гражданскихъ и даже нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлахъ они находились въ прежней зависимости отъ тѣхъ самыхъ десятильниковъ, которыхъ въ извѣстномъ отношеніи должны были замѣнить собою; в) но что особенно важно, — постановленія стоглаваго собора о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ и о поповскихъ старостахъ не имѣли почти никакого практическаго приложенія въ послѣдующей жизни, такъ что и послѣ стоглава до собора 1675 года архіереи церковное епархіальное управленіе, за исключеніемъ дѣлъ строго духовныхъ, по прежнему производили чрезъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, и мы по прежнему не видимъ, чтобы духовныя лица принимали какое либо участіе въ епархіальномъ управленіи.

¹⁾ Въ Новгородѣ при его паденіи было семь священническихъ соборовъ. Чт. общ. ист. 1847. № 4, стр. 55 и 61.

Существование свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ составляетъ рѣзко выдающуюся особенность нашей древней церковной жизни;—греческая церковь не знала свѣтскаго епархіальнаго архіерейскаго чиновничества и на допущеніе его къ участию въ епархіальныхъ дѣлахъ всегда смотрѣла какъ на злоупотребленіе, какъ на явленіе антицерковное. Нельзя свазать и того, чтобы и Русская церковь признавала подобное положеніе дѣлъ вполне законнымъ и согласнымъ съ духомъ истинно—христіанскаго правильнаго церковнаго устройства, ибо не разъ соборы возставали если и не противъ самаго существованія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, то противъ слишкомъ широкаго ихъ участія во всѣхъ отрасляхъ епархіальнаго управленія, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, стоглавый соборъ. Соборы же 1667 и 1675 г. окончательно утвердили, чтобы духовныя лица управлялись и судились исключительно духовными же, власть свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ надъ духовенствомъ была уничтожена какъ незаконная и противорѣчащая канонамъ церкви и потому они устранены были отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ. Точно также никакимъ образомъ нельзя сказать и того, чтобы тѣ самые епископы, которые управляли епархіями чрезъ своихъ чиновниковъ, предоставляли имъ судъ и расправу надъ духовенствомъ, признали бы правильнымъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ духовные могли быть управляемы свѣтскими лицами вообще, напримѣръ, выборными отъ общества или чиновниками царскими; изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ посланій нашихъ іерарховъ, особенно обращенныхъ къ новгородцамъ и псковитянамъ ¹⁾, которые неразъ вмѣшивались въ дѣла церковныя, мы несомнѣнно убѣждаемся, что наши іерархи всегда признавали и проповѣдывали, что духовенство не подсудно свѣтскимъ судьямъ, что свѣтскія лица никакимъ образомъ не могутъ, подъ опасеніемъ кары свыше, вмѣшиваться въ какія бы то нибыло дѣла церковныя, тѣмъ болѣе въ епархіальное управленіе,—и при всемъ томъ они управляли своими епархіями чрезъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ. Наконецъ, нельзя сказать и того, чтобы существованіе свѣтской церковной администраціи оправдывалось въ глазахъ архіереевъ и всего духовенства несомнѣнными достоинствами и превосходствомъ такой

¹⁾ См. напр., посл. митр. Кипріана псковичамъ 1395 г. (А. И. 1, № 9) и новгородцамъ (№ 7).

администраціи предъ администраціею, состоящею изъ духовныхъ лицъ, ея благотворнымъ вліяніемъ на весь механизмъ архіерейскаго управленія, ея благотворнымъ вліяніемъ на духовенство, несомнѣнными достоинствами и высокою честностію занимавшихъ ее лицъ, ничего подобнаго въ дѣствительности не было. Напротивъ, свѣтска церковная администрація страдала самыми вопіющими недостатками, которые болѣе или менѣе ясно сознавали какъ сами архіереи, такъ и особенно подвѣдомственное имъ духовенство. Церковная администрація, какъ и государственная того времени, построена была на системѣ кормленія, и архіерейскіе чиновники въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на свою должность только какъ на средство нажитыя на счетъ духовенства, нравственная сторона всякой должности обыкновенно мало сознавалась ими. Духовенство, особенно низшее, было почти совсѣмъ беззащитно предъ свѣтскими архіерейскими чиновниками, которые, пользуясь своею обширною и почти безконтрольною властію надъ нимъ, страшно притѣсняли его,—искать на нихъ управы и суда у архіерея было для бѣдняка слишкомъ хлопотно и дорого, да и цѣль-то при этомъ очень часто не достигалась, и потому нерѣдко случалось, что изъ страха предъ грознымъ, всеобирающимъ и притѣсняющимъ, напримѣръ, десятильникомъ священники разбѣгались и церкви по нѣскольку лѣтъ стояли пустыми. Что архіереи не могли не знать, и дѣйствительно знали о злоупотребленіяхъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, объ угнетеніи ими духовенства, недовольство и ропотъ послѣдняго на подобное положеніе дѣлъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Помимо рѣзкаго заявленія, сдѣланнаго священникомъ Георгіемъ Скрипицею собору 1503 года, стоглавый соборъ не только говоритъ о злоупотребленіяхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, неразъ жалуется, что они причиняютъ духовенству убытки и волокиты многіе, но предпринимаетъ и мѣры противъ ихъ злоупотребленій. Соборъ 1667 года рѣшительно настаиваетъ на освобожденіи духовныхъ отъ всякой зависимости отъ свѣтскихъ чиновниковъ, соборъ же 1675 года уничтожаетъ совсѣмъ десятильниковъ за злоупотребленія ими своею властію и дозволяетъ посылать ихъ только «на непослушниковъ и непогорниковъ»; слѣдовательно, управленіе чрезъ десятильниковъ епархіальнымъ духовенствомъ было, по признанію собора, зломъ, тяжелымъ бѣдствіемъ для духовенства. Что тѣ или другіе архіереи въ частности вполне ясно сознавали злоупотребленія своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, часто

рѣшительно невыносимое положеніе духовенства, постоянно терпѣвшаго отъ этихъ злоупотребленій, это также не подлежитъ нималѣйшему сомнѣнію, лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ чему служатъ довольно многочисленныя жалованныя грамоты, данныя архіереями различнымъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ по тѣмъ или другимъ случаямъ. Въ этихъ грамотахъ архіерей, въ видѣ особой чрезвычайной милости, освобождаетъ тотъ или другой монастырь, или какую либо приходскую церковь изъ подъ вѣдѣнія своихъ свѣтскихъ чиновниковъ и подчиняетъ ихъ своему непосредственному вѣдѣнію. Понятно, что архіерей хорошо зналъ мотивы, побуждавшіе духовенство исгнать у него, какъ милости, освобожденія отъ вѣдѣнія, поборовъ и суда его свѣтскихъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что эти мотивы нерѣдко излагались въ самыхъ грамотахъ; это были: крайняя бѣдность и невозможность дальнѣйшаго существованія монастыря или церкви при грабительствѣ и злоупотребленіяхъ его чиновниковъ, и архіерей, конечно, вполне хорошо понимали смыслъ своей милости, смыслъ освобожденія монастыря или церкви отъ зависимости своихъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ существованіе свѣтской церковной администраціи съ тѣми правами и полномочіями, какія даны были ея членамъ въ древней Руси, не оправдывалось практикою и примѣромъ Греціи; сама русская церковь и ея епископы никогда не признавали за свѣтскою властію права управлять и судить духовенство, признавали несостоятельность и злоупотребленія своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, тяжелое, бѣдственное положеніе духовенства, угнетаемаго ими, слышали поднимавшіеся протесты со стороны духовенства противъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ, хорошо понимали справедливость этихъ жалобъ и протестовъ и, не смотря на все это, свѣтскіе архіерейскіе чиновники продолжали существовать цѣлыя столѣтія, продолжали судить и рядить духовенство и вмѣстѣ съ этимъ всячески притѣснять его. Замѣчательно при этомъ, что архіерей, за небольшими исключеніями, не только не выражала желанія уничтожить своихъ свѣтскихъ чиновниковъ и тѣмъ облегчить бѣдственное положеніе подвѣдомственнаго имъ духовенства, но напротивъ, твердо настаивали на восстановленіи своихъ свѣтскихъ чиновниковъ тамъ, гдѣ они по какому либо случаю были замѣняемы чиновниками изъ духовныхъ лицъ. Даже соборныя постановленія, стремившіяся ограничить, а потомъ и совсѣмъ уничтожить власть свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, всегда обходились архіереями,

что случилось именно съ постановленіями стоглаваго собора о поповскихъ старостахъ, долженствовавшихъ во многомъ замѣнить собою въ епархіальномъ управленіи десятильниковъ. Власть свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ надъ духовенствомъ была уничтожена соборомъ 1667 года, на которомъ присутствовали греческіе патріархи. Но замѣчательно также, что и постановленіе собора 1667 года о неподсудности духовенства свѣтскимъ лицамъ не вдругъ приведено было въ исполненіе, а потребовались относительно этого предмета новыя, болѣе энергичныя и рѣшительныя постановленія собора 1675 г., хотя и послѣ ихъ у сибирскаго, напримѣръ, митрополита мы встрѣчаемъ еще свѣтскихъ десятильниковъ: такъ трудно и тяжело было архіереямъ разстаться съ своими свѣтскими чиновниками.

Если не смотря на все указанныя столь неблагоприятныя, по видимому, обстоятельства къ существованію въ церковной администраціи свѣтскихъ чиновниковъ, они все-таки существовали цѣлыя столѣтія, если сами архіерей, не смотря на частыя заявленія жалобъ на злоупотребленія чиновниковъ, все-таки крѣпко держались ихъ и неохотно допускали реформы въ своемъ епархіальномъ управленіи, клонившіяся къ ограниченію или къ уничтоженію ихъ свѣтскихъ чиновниковъ; то значить, что появленіе и дальнѣйшее существованіе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ не было чѣмъ либо случайнымъ, внѣшнимъ относительно всей тогдашней церковно-гражданской жизни, но было естественнымъ и необходимымъ ея послѣдствіемъ, въ ней находило свои постоянныя и твердыя основанія, которыя, не смотря на частныя и коллективные протесты противъ такого положенія дѣлъ, были настолько однако сильны, что дали возможность просуществовать свѣтскимъ архіерейскимъ чиновникамъ нѣсколько столѣтій съ самыми обширными правами и властію, которыя заставляли архіереевъ постоянно крѣпко держаться за свою свѣтскую администрацію и предпочитать ее администраціи изъ духовныхъ лицъ.

Чтобы объяснить причины, вызвавшія и поддержавшія собою существованіе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ въ нашей древней церковной администраціи, мы для этого отвѣтимъ на три слѣдующихъ вопроса: а) какимъ образомъ при дворахъ архіереевъ древней Руси могли появиться свѣтскіе служилые люди свободнаго, а иногда и знатнаго происхожденія, которые по этому не могли быть только простыми слугами архіерея? б) Вслѣдствіе какихъ причинъ свѣтскіе служилые люди архіереевъ сдѣлались съ теченіемъ времени епархіальными чиновниками,

получили въ свои руки все епархіальное управленіе, исключая только дѣль строга духовныхъ? с) Какія причины заставляли архіереевъ твердо держаться за управленіе епархіею чрезъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, предпочитать ихъ лицамъ духовнымъ, не смотря на жалобы, отовсюду раздававшіяся на крайнія злоупотребленія свѣтскихъ чиновниковъ, не смотря на ясно выраженные желанія соборовъ—передать епархіальное управленіе въ руки духовныхъ лицъ?

Извѣстно, что греческая церковь владѣла значительною земельною собственностію и что государство всегда признавало за нею право на эти владѣнія. Русской церкви также усвоено было право владѣть земельною собственностію еще первыми русскими христіанскими князьями св. Владиміромъ и Ярославомъ и это право признавалось за нею всеми послѣдующими князьями, а потомъ царями. Вслѣдствіе этого русскіе архіереи еще очень рано начали пріобрѣтать себѣ населенныя и ненаселенныя земли, такъ что ко времени нашествія монголовъ на Русь—ихъ земельныя владѣнія были вѣроятно уже довольно значительны ¹⁾. Особенно сильно и замѣтно владѣнія архіереевъ стали увеличиваться въ такъ называемый монгольскій періодъ. Въ ханскомъ ярлыкѣ, напримѣръ, митрополиту Петру говорится, чтобы ханскіе чиновники не вступались «ни въ города ихъ (митрополитовъ), ни въ волости ихъ, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловли ихъ, ни въ удусы ихъ» и проч. ²⁾. Митрополитъ Петръ купилъ городъ Алексинъ «съ волостми и селы, и съ водами, съ рѣки и съ озера, и съ бобровными ловлями, и съ бортными ухажан и со всеми угоды, что ни потягло изстари къ городу Алексину» ³⁾. Въ послѣдующее время земельныя владѣнія архіереевъ продолжали быстро увеличиваться, благодаря пожертвованіямъ князей и различныхъ частныхъ лицъ, вслѣдствіе купли, заклада и другихъ способовъ пріобрѣтенія тогдашняго времени, такъ что во второй половинѣ XV вѣка государство начало уже стремиться положить предѣлы дальнѣйшему разширенію церковныхъ владѣній. Но запрещеніе прави-

¹⁾ См. сочиненія: Горчакова «о земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода»; Милютина «о недвижимыхъ имуществвахъ духовенства».

²⁾ Собр. госуд. грам. и договор. II, № 7; тоже говорится и въ ханскихъ ярлыкахъ послѣдующимъ митрополитамъ—№ 9, 11, 12.

³⁾ А. И. 1, № 215.

тельства увеличивать церковныя владѣнія рѣшительно не соблюдалось на практикѣ, онѣ продолжали увеличиваться до времени Петра Великаго, такъ что при Алексѣй Михайловичѣ, по словамъ Котошихина, за патріархомъ числилось болѣе 7.000 дворовъ, за архіереями до 28.000 и за монастырями до 83.000, всего 118.000 дворовъ ¹⁾.

Такимъ образомъ русскіе архіереи еще довольно рано сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Первоначально земли архіереевъ подлежали вѣдѣнію и юрисдикціи государства, обязаны были извѣстными податями и военною повинностію, такъ что архіереи въ своихъ земляхъ были не болѣе, какъ и обыкновенные землевладѣльцы. Но изъ этого общаго положенія государство еще очень рано начало дѣлать исключенія; князья по тѣмъ или другимъ побужденіямъ выдѣляли нѣкоторыя участки архіерейскихъ владѣній изъ подъ вѣдѣнія и суда своихъ чиновниковъ и предоставляли ихъ въ этомъ отношеніи въ полное распоряженіе архіереевъ. Точно также они въ видѣ частной особой льготы уступали архіереямъ тѣ подати съ какаго либо ихъ имѣнія, которыя собирались съ него въ пользу князя. Такъ, еще уставы Владиміра и Ярослава подчиняютъ исключительно архіерейскому суду всехъ лицъ, какимъ либо образомъ причисляющихся къ церкви,—княжескимъ чиновникамъ упомянутые уставы запрещаютъ вмѣшиваться въ церковный судъ; въ дѣлахъ же между княжескими и архіерейскими лицами устанавливается судъ смѣсный. Хань въ своихъ ярлыкахъ всехъ духовныхъ и на церковныхъ земляхъ живущихъ лицъ освобождаютъ отъ всехъ податей и подчиняютъ ихъ, даже во всехъ уголовныхъ дѣлахъ, архіерейской юрисдикціи. Такъ, въ ханскомъ ярлыкѣ митрополиту Петру сказано: «а знаетъ Петръ митрополитъ въ правду и право судить и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ нибудь, і въ разбоѣ и въ поличномъ и въ татбоѣ и всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ митрополитъ единъ или кому прикажетъ»; тутъ же говорится, что «вся его люди и вся стяжанія его» освобождаются отъ всякихъ податей ²⁾. Въ уставной грамотѣ Василя Димитріевича съ митрополитомъ Кипріяномъ за послѣднимъ признается исключительное право суда, управления и сбора пошлинъ со всехъ лицъ, жившихъ на извѣстныхъ земляхъ митрополита, княжескіе

¹⁾ Гл. XI, ст. 6.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов. II, № 7.

данщики и все чиновники не имѣютъ права вступаться въ митрополичьи земли и митрополичьихъ людей ¹⁾. Точно также и во всехъ послѣдующихъ грамотахъ, которыя князья давали митрополитамъ и епископамъ, они освобождали ихъ земли отъ вѣдѣній, суда и поборовъ своихъ чиновниковъ, усвоивъ всю административную и судебную власть самимъ архіереямъ или ихъ приказнымъ людямъ, такъ что архіерей становился полнымъ господиномъ своихъ земель не только какъ обыкновенный землевладелецъ, но и въ качествѣ самостоятельнаго, независимаго отъ различныхъ княжескихъ чиновъ и учреждений, правителя и судьи. Исключеніе дѣлалось только въ двухъ случаяхъ: въ дѣлахъ собственно губныхъ, какъ убійство, татьба съ поличнымъ, судъ и расправа всегда предоставлялись княжескимъ чиновникамъ, но самый позывъ на судъ обвиняемыхъ и въ этихъ дѣлахъ предоставлялся приставамъ какъ княжескимъ, такъ и архіерейскимъ вмѣстѣ ²⁾. Другой случай: въ дѣлахъ между архіерейскими и посторонними лицами судъ былъ смѣсный и судебныя пошлины дѣлились поровну между судьями обѣихъ тяжущихся сторонъ; въ случаѣ несогласія и спора между судьями дѣло рѣшалось самимъ княземъ или его дворецкимъ, или бояриномъ введеннымъ. Указанное выдѣленіе архіерейскихъ земель изъ подъ вѣдѣній и суда княжескихъ чиновниковъ во всехъ дѣлахъ, кромѣ нѣкоторыхъ уголовныхъ, освобожденіе ихъ отъ сбора княжескихъ пошлинъ и большей части государственныхъ повинностей, совершавшееся постепенно и для различныхъ частей архіерейскихъ владѣній различно, во второй половинѣ XVI вѣка сдѣлалось общимъ для всехъ земель, но крайней мѣрѣ—митрополита, такъ что архіерейскія земли почти во всехъ отношеніяхъ составили изъ себя нѣчто самостоятельное, выдѣленное изъ круга непосредственнаго вѣдѣнія государственной власти, всемъ завѣдывали и пользовались въ нихъ архіерей и ихъ приказные люди. Такимъ образомъ русскіе архіерей были не только богатыми землевладельцами, но имъ принадлежала въ ихъ земляхъ вся власть административная, судебная, финансовая: царскіе чиновники не только не вмѣшивались въ ихъ управленіе, но не имѣли даже права и вѣзжать въ ар-

¹⁾ А. Э. I, № 9.

²⁾ Впрочемъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ даже татьба и разбой предоставляется духовному суду. (А. Э. I, № 7, 41, 121, 131, 133 и 136. А. И. I, № 606. Собр. госуд. грам. и догов. II, № 7.

хіерейскія имѣнія. Слѣдствія такого положенія дѣль были очень важны.

Какъ скоро архіерей сдѣлались богатыми землевладельцами, то они стали устроить свой дворъ точно также, какъ и все богатые люди того времени и, конечно, прежде всего взяли за образецъ при этомъ дворъ княжескій, который, впрочемъ, не отличался особенно въ своемъ устройствѣ отъ дворовъ всехъ богатыхъ людей того времени, такъ какъ многочисленныя и разнообразныя должности и чины, существовавшіе въ послѣдствіи при московскомъ дворѣ, явились сравнительно въ позднѣйшее время. Устраивая свой дворъ по образцу княжескаго, архіерей естественно стали учреждать у себя тѣ же придворные чины и должности, какія были у князя.—подобно всемъ богатымъ, знатымъ людямъ того времени они стали окружать себя многочисленнымъ штатомъ разнообразной прислуги, что въ то время считалось необходимою принадлежностію всякаго богатаго знатнаго человека. Къ архіереямъ, какъ богатымъ землевладельцамъ, какъ лицамъ занимающимъ самое высокое общественное положеніе охотно шли на службу люди свободнаго происхожденія, лица, принадлежавшія нерѣдко къ знатымъ фамиліямъ; они точно также нанимались служить архіерею, какъ служили и князьямъ, удерживая всегда за собою право переходить на службу къ другимъ лицамъ. Архіерей съ своей стороны охотно принимали къ себѣ на службу свободныхъ людей, такъ какъ они были рѣшительно для нихъ необходимы, особенно для управления ихъ землями и отбыванія съ нихъ военной повинности. Архіерейскія земли со всеми жившими на нихъ лицами были, какъ мы сказали, независимы отъ государственныхъ чиновъ и различныхъ правительственныхъ учреждений и вмѣстѣ съ тѣмъ были свободны почти отъ всехъ государственныхъ податей и повинностей, исключая военной,—ихъ единственнымъ и безконтрольнымъ правителемъ былъ архіерей. Понятно, что архіерей, какъ самостоятельные владельцы обширныхъ земель, въ которыхъ имъ предоставлено было государствомъ право управленія, суда и сбора податей, должны были организовать у себя самостоятельное управленіе своими землями и правильную ихъ эвентуатацию. Слѣдствіе этого у архіереевъ долженъ былъ явиться многочисленный классъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ архіерейскихъ земель; у нихъ должны были явиться свои управители имѣній, судьи, сборщики податей и проч. При устройствѣ всехъ

этихъ чиновъ и должностей архіерей конечно опять брали за образецъ князя, вслѣдствіе чего у нихъ явились тѣ же чины и должности, что и у князя и конечно съ тѣмъ же духомъ и характеромъ, такъ что весь архіерейскій дворъ и управление землями представляло изъ себя довольно вѣрную копию княжескаго двора и управления. Повидимому управление архіерейскихъ имѣній, всей ихъ хозяйственной части, можно бы было поручить, минуя свѣтскихъ лицъ, монахамъ — посельскимъ, какъ это случилось потомъ относительно тѣхъ архіерейскихъ земель, гдѣ была, такъ называемая, домовая запашка. Но такъ поступить не дозволяли слѣдующія обстоятельства: а) архіерейскихъ земель было слишкомъ много для того, чтобы всѣ ихъ можно было обратить въ домовую запашку, необходимо было эксплуатировать ихъ другимъ способомъ, какимъ между прочимъ и является раздача лишнихъ земель въ пожизненное или временное пользованіе разнымъ служащимъ лицамъ, вмѣсто другой платы за ихъ службу; государство такъ поступало съ своими землями, архіерей брали съ него въ этомъ случаѣ примѣръ, и не имѣли, конечно, никакихъ причинъ поступать иначе. б) На архіереяхъ лежала обязанность отбывать съ своихъ земель военную повинность, отъ которой они никогда не освобождались, — эта повинность была самою главною и князья всегда требовали самаго точнаго ея выполнения, — а для этого очевидно архіереямъ нужно было имѣть всегда подъ рукою способныхъ къ этому людей, которые бы по первому призыву могли явиться на войну¹⁾; такими лицами и были ихъ наемные свѣтскіе служилые люди, которые въ военное время отбывали воинскую повинность съ архіерейскихъ земель, въ мирное время служили при дворѣ архіерея, исполняли разныя его порученія и получали отъ него за службу земли въ пожизненное владѣніе. Очевидно для архіереевъ выгодно было принимать къ себѣ на службу свѣтскихъ служилыхъ людей, а послѣднимъ выгодно было служить у архіереевъ, отъ которыхъ они получали земли во владѣніе и имѣли особые доходы. Если назначались на какую нибудь придворную должность.

Такимъ образомъ вслѣдствіе того, что архіерей приобрѣли себѣ земельныя владѣнія, они скоро явились настоящими богатыми землевладѣльцами того времени: у нихъ былъ дворъ,

¹⁾ А. Э. I, № 9, 205, стр. 184, 186 и 187. IV, № 71, 81 и др. А. И. I, № 42, II, № 98 и др. А. Ю. № 320.

устроенный по образцу княжескаго, были, какъ и у князя, свои придворные чины и должности, множество служилыхъ людей изъ свободнаго сословія, въ ихъ земляхъ введено было управление административное, судебное и финансовое точно такое же, какъ это было въ то время и въ государственномъ управленіи. Слѣдовательно, фактъ возникновенія и существованія при архіереяхъ свѣтскихъ служилыхъ людей, въ качествѣ придворныхъ слугъ и управителей ихъ землями, при указанныхъ обстоятельствахъ является вполне естественнымъ и понятнымъ, — этого требовали особенности положенія русскаго архіерея среди государства и общества.

Если для насъ становится понятнымъ фактъ появленія при дворѣ архіерея свѣтскихъ служилыхъ людей, то изъ сказаннаго однако еще вовсе не видно, какимъ же образомъ эти придворные служилые люди архіерея сдѣлались потомъ епархіальными чиновниками, какимъ образомъ они вошли въ составъ церковной епархіальной администраціи, вытѣснили оттуда духовныхъ лицъ и присвоили себѣ надъ духовенствомъ власть административную, судебную, финансовую. Чтобы объяснить это явленіе, мы должны указать на нѣкоторыя особенныя стороны тогдашняго государственнаго управленія, которое вліяло собою и на характеръ управленія епархіальнаго, а также на особыя отношенія тогдашняго духовенства къ своему архіерею, которыя облегчали переходъ архіерейскихъ придворныхъ слугъ въ епархіальные чиновники.

Главная и существенная особенность всего древнѣйшаго государственнаго управленія до Юанна III-го и даже далѣе состояла въ томъ, что оно во всемъ носило на себѣ характеръ частно владѣльческаго, такъ какъ въ то время еще не было строгаго раздѣленія между частнымъ владѣніемъ князя и княжествомъ. Князь смотрѣлъ на свои владѣнія какъ на свою частную собственность, не различая своего личнаго отъ государственнаго. Вслѣдствіе этого князья управляли княжествомъ какъ частные собственники, какъ управлялъ тогда своимъ имѣніемъ всякій богатый человекъ. Управляя княжествомъ какъ частный собственникъ, князь самъ творилъ повсюду судъ и расправу, дѣйствовалъ вездѣ самъ, гдѣ только это было возможно; въ противномъ же случаѣ онъ посылалъ вмѣсто себя своихъ придворныхъ служилыхъ людей, которые занимали различныя должности при его дворѣ и несли при немъ личную службу. Придворные служилые люди князя, исполняя различныя его порученія по управ-

ленію княжествомъ, становилсь такимъ образомъ государственными чиновниками, не переставая въ тоже время быть и частными слугами князя,—различія между чиновникомъ государства и личнымъ слугою князя не было, такъ что одно и тоже лицо было вмѣстѣ и государственнымъ чиновникомъ и княжескою прислугою. Понятно, что такъ происшедшіе государственные чины и должности имѣли первоначально случайный и, такъ сказать, неустойчивый характеръ; они во всемъ зависѣли отъ произвола князя, который, какъ и всякій частный владѣлецъ, считалъ себя въ правѣ распоряжаться своею собственностію, какъ ему хотѣлось въ данную минуту, какъ этого требовали его частныя выгоды и интересы, почему онъ могъ свободно уничтожать одніѣ должности и учреждать другія, возстановлять прежде уничтоженныя и т. п. Естественно также, что при такомъ характерѣ управления съ извѣстною должностію, особенно въ началѣ, не было соединено строго опредѣленныхъ, устойчивыхъ обязанностей, дробнаго дѣленія должностей, какое было въ послѣдствіи, первоначально не существовало;—въ одномъ лицѣ соединялись тогда самыя разнообразныя и многочисленныя должности и обязанности, вообще,—личное усмотрѣніе, произволъ князя и случайныя обстоятельства опредѣляли въ то время должности, кругъ обязанностей и характеръ ихъ выполненія служилыми людьми князя. Только съ теченіемъ времени, мало по малу, стали устанавливаться при князьяхъ извѣстныя должности, какъ постоянныя, только постепенно къ извѣстнымъ должностямъ стали приурочивать извѣстный кругъ обязанностей болѣе или менѣе разграниченныхъ съ кругомъ обязанностей другихъ должностныхъ лицъ, хотя спутанность и сбивчивость обязанностей при частно владѣльческомъ, основанномъ только на личномъ усмотрѣніи князя управленіи, еще долго не прекращалась.

Указанный характеръ древнѣйшаго государственнаго управленія Руси по тѣсной связи церковной жизни съ государственною не могъ остаться безъ вліянія на церковное управленіе; естественно было, что при всеобщемъ господствѣ въ государственномъ управленіи частно владѣльческаго начала, архіереи, сдѣлавшись землевладѣльцами, устроивши свой дворъ и управленіе своими землями по образцу княжескому, призвавши къ себѣ на службу вольныхъ служилыхъ свѣтскихъ людей, съ теченіемъ времени, мало по малу внесли и въ епархіальное управленіе владѣльческій характеръ, стали плохо различать свое частное отъ

епархіальнаго, стали управлять своими епархіями въ томъ же духѣ и чрезъ тѣхъ же лицъ, въ какомъ духѣ и чрезъ какихъ лицъ они управляли своимъ дворомъ и имѣніями. Примѣръ князя, управлявшаго княжествомъ, какъ своею частною собственностію, у котораго архіереи заимствовали уже устройство своего двора и управленія своими имѣніями, былъ у нихъ постоянно предъ глазами, вся государственная жизнь представляла полное смѣшеніе началъ частно-владѣльческаго и государственнаго, и потому ничего не было удивительнаго, если архіереи подчинились съ теченіемъ времени вліянію всей окружающей ихъ жизни, внесли въ епархіальное управленіе характеръ частно-владѣльческій, особенно если принять во вниманіе нѣкоторыя благоприятствовавшія этому обстоятельства.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что церковными канонами точно и ясно опредѣлены отношенія епископа къ духовенству его епархіи и что эти отношенія должны быть совершенно чужды владѣльческаго характера, архіерей долженъ быть для духовенства духовнымъ главою, отцемъ и наставникомъ, ревнителемъ ихъ доброй жизни и руководителемъ при исполненіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей, повидимому, нельзя было бы ожидать, чтобы на Руси, гдѣ каноны церкви всегда и всюду имѣли всю свою силу, сложились какія либо иныя отношенія между архіереями и подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ, нежели какія опредѣлены въ церковныхъ канонахъ, а между тѣмъ на дѣлѣ было иначе: архіерейское епархіальное управленіе на Руси, исключая управленія по дѣламъ строго духовнымъ, носило чисто владѣльческій характеръ. Конечно, въ виду опредѣленныхъ канонѣвъ церкви, одного внѣшняго вліянія, какимъ было вліяніе всего строя тогдашняго государственнаго управленія, было еще недостаточно, чтобы архіереи частное управленіе своими землями и дворомъ смѣшали съ епархіальнымъ управленіемъ, чтобы своихъ придворныхъ служилыхъ людей они сдѣлали вмѣстѣ и епархіальными чиновниками; очевидно для этого должны были существовать, помимо вліянія государственной жизни, еще другія спеціальныя причины, которыя давали архіереямъ полную возможность неосознательно и незамѣтно для себя устроить свое епархіальное управленіе на частно-владѣльческихъ началахъ. Такими спеціальными причинами, побуждавшими архіереевъ управлять своими епархіями на началахъ частно-владѣльческихъ, были особыя отношенія духовенства древней Руси къ епархіальнымъ архіереямъ. Эти особыя

отношения состояли въ томъ, что духовенство, будучи освобождено отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, въ то же время обязано было платить архіерею со дня своего посвященія до конца жизни подати поземельныя, личныя, натурою, деньгами, почему въ нѣкоторыхъ грамотахъ оно и называется иногда тяглымъ сословіемъ.

Чтобы лучше и отчетливѣе уяснить себѣ тѣ отношения, какія въ древней Руси существовали между епархіальными архіереями и подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, мы коротко укажемъ на тѣ пошлины, которыя духовенство платило своимъ архіереямъ: а) *ставленія пошлины*, которыя «скареднаго ради прибытка» еще очень рано были до того увеличены, что вызвали противъ себя соборныя опредѣленія, имѣвшія въ виду или ограничить ихъ, какъ это сдѣлалъ владимірскій соборъ 1274 года ¹⁾, или вовсе уничтожить ихъ, какъ это думалъ сдѣлать соборъ 1503 года ²⁾, но опредѣленіе котораго не имѣло практической силы, такъ что ставленія пошлины существовали еще въ XVIII вѣкѣ, хотя и были уменьшены ³⁾. б) *Благословенная куница*, существовавшая до XVII вѣка и состоявшая въ томъ, что новопоставленный предъ отправленіемъ въ назначенное ему мѣсто служенія, приходилъ за благословеніемъ къ архіерею, который при этомъ бралъ съ него гривну; это благословеніе повторялось потомъ каждый годъ ⁴⁾. в) *Пошлины, платимыя съ разнаго рода грамотъ*: всякій новый епископъ свидѣтельствовалъ въ своей епархіи, при своемъ вступленіи на епископскую кафедру, всѣ ставленія и настольныя грамоты духовенства и скрѣплялъ ихъ своею надписью, за что бралъ пошлинъ съ настольныхъ грамотъ по 6 алтынъ 4 деньги, съ ставленыхъ 3 алтына 2 деньги. Если оказывалось, что грамоты не были засвидѣтельствованы его предшественникомъ, то пошлины брались вдвое, если не свидѣтельствованы двумя предшественниками, то бралось втрое; эта пошлина называлась *явленною куницею съ грамотою* ⁵⁾. При переходѣ изъ одного прихода въ другой десятильники, а потомъ

¹⁾ Русск. дост. ч. I, стр. 106.

²⁾ А. Э. I, № 382.

³⁾ Какъ значительны были ставленія пошлины въ XVII вѣкѣ, это можно видѣть изъ докладной выписки казеннаго приказа патр. Іоакиму, гдѣ подробно перечислены всѣ пошлины, какія приходилось платить ставленнику. (А. И. IV, № 259).

⁴⁾ А. Э. I, № 319.

⁵⁾ А. И. IV, № 259.

поповскіе старосты, выдавали попамъ и дьяконамъ переходную память и брали съ нихъ *перехожія или повинныя гривны* ¹⁾. Въ древней Руси вдовы священники и дьяконы не имѣли права священнодѣйствовать, а должны были или постригаться въ монахи, или исполнять при церквахъ только дьяческія должности. Но тѣмъ изъ нихъ, которые отличались хорошою жизнію, съ особаго разрѣшенія, дозволялось оставаться при прежнихъ приходахъ и отправлять здѣсь нѣкоторыя пастырскія обязанности, для чего они получали, такъ называемыя, спитрахильныя и оранныя грамоты. Каждый годъ они платили за эти грамоты десять алтынъ, да при полученіи грамоты они платили подьячечму за письмо гривну; получившій же грамоту безъ дозволенія «литургисать» платилъ за нее каждый годъ по пяти алтынъ ²⁾. д) *Святительская дань*, что означало подать, собираемую съ недвижимаго имущества духовенства: съ земли, дворовъ и разныхъ угодій. Въ грамотѣ патр. Іосифа псковскому архіепископу Арсенію 1667 г. объ обложеніи данью приходскихъ церквей, по примѣру патриаршей области, сказано, что посланные для описи приходовъ данью окладывали: съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова по 2 деньги, съ дьячкова и пономарева и съ просвирицына и съ бобыльскихъ по деньгѣ съ двора, съ церковныя земли, съ пашни съ четверти по три деньги, съ сѣнныхъ по двѣ деньги съ конны, да сверхъ того окладу десятильничихъ и заѣзда по три алтына по двѣ деньги съ церкви, да казенныхъ платежныхъ пошлинъ по три алтына по три деньги съ церкви ³⁾. Иногда же поземельная подать обращалась въ личную; такъ въ псковской епархіи вносилось въ архіерейскую казну «по двадцати алтынъ съ скуфы на годъ» ⁴⁾. е) *Подъѣздъ*, иначе *завѣздъ, въѣздъ, въздъ*, — подать, платимая духовенствомъ епископу при обозрѣніи имъ своей епархіи, при чемъ духовенство должно было совершать его на свой счетъ. Когда епископъ по обстоятельствамъ не могъ обозрѣвать самъ своей епархіи, а это съ теченіемъ времени стало постояннымъ явленіемъ, — подати за въѣздъ собиралъ особый чиновникъ, посылаемый епископомъ. Какъ дорого подъѣздъ архіерея обходился мѣстному духовенству, это видно изъ жалобъ ново-

¹⁾ А. И. IV, № 259.

²⁾ *ibid.*

³⁾ *ibid.* IV, № 195.

⁴⁾ *ibid.* IV, № 172.

родцевъ на прїѣзды къ нимъ митрополита и изъ жалобъ псковичей на новгородскихъ епископовъ, прїѣзжавшихъ къ нимъ черезъ три года въ четвертый, а также изъ грамоты Грознаго объ архіерейскихъ доходахъ во Псковѣ ¹⁾.

Кромѣ указанныхъ нами пошлинъ, духовенство платило архіереямъ и другія болѣе или менѣе мелкія, съ теченіемъ времени видоизмѣнявшіяся и въ XVII в. переложенныя на деньги. Изъ XVI в. до насъ дошли двѣ грамоты, въ которыхъ подробно перечисляются подати, платимыя духовенствомъ. Въ жалованной грамотѣ пермскаго и вологодскаго епископа Алексія Кириллову монастырю 1539 г. сказано: «и не надобеть имъ моя дань Рождественская, ни данскіе пошлины, ни десятинничьи, ни доводчичьи, ни людское, ни благословенная куница, ни соборная, ни явленная куница съ грамотою, ни съ оброкомъ куница, ни полюдная пшеница, ни полоть, ни казенные алтыны» ²⁾.

Изъ представленнаго перечня податей, платимыхъ духовенствомъ въ пользу архіерея, очевидно, что духовенство въ древней Руси было относительно архіерея податнымъ сословіемъ,

¹⁾ Въ этой грамотѣ между прочимъ сказано: «коли прїѣдетъ богомолецъ нашъ архіепископъ на свой подѣздъ во Псковъ въ четвертый годъ на одинъ мѣсяць и ему имати было у нихъ за свой и за людской и за конской кормъ и за всякой мелкой расходъ на тотъ мѣсяць по двѣсти рублей Московскою... А прежде наши богомольцы архіепископы ѣздили на подѣздъ во Псковъ на четвертый годъ, а живутъ во Псковѣ мѣсяць, а имати у тѣхъ шести соборскихъ старость и игуменовъ и у поповъ, и у дьяковъ, и у посадскихъ и у пригородскихъ и у сельскихъ подѣзду со всякаго игумена и съ попа и съ дьякона и съ городскихъ и съ сельскихъ мѣстныхъ и не съ мѣстныхъ по архіепископией по Геннадіевѣ грамотѣ съ плѣши по полтинѣ, да по пятнадцати денегъ въ московское число, да корму на всякій день по полтора ста калачей, да по пятидесяти хлѣбовъ денежныхъ, да по сороку гривень за мясную велогу, да за рыбу за всякую по сороку денегъ, да по двѣ бочки меду русскаго, а не любо медъ ино за двѣ бочки полтина, да рублевая гривенка перцу, да рублева жъ гривенка пшена сорочинскаго, да по безмѣну меду русскаго; а коли у архіепископа пиръ, ино по двѣ гривенки перцу, да по двѣ гривенки пшена сорочинскаго, да по два безмѣна меду, пудъ соли, масло коровье и конопляное, яйца, сыры, просы, крупы житныя, уксусъ, лукъ, крошиво поварамъ; а солоду на квасъ сколько надобѣ; да за свѣчи восчатыя полтретьятцать денегъ, да по двѣ свѣчи большихъ литыхъ, да по сту свѣчъ салныхъ, да по пятнадцати зобней овса, да по пятнадцати возовъ сѣна, да по пятнадцати возовъ дровъ, да по возу лучины, а соломы подъ коней сколько надобѣ». (Куницына. Прилож. III).

²⁾ Дополн. къ А. Н. I, № 220. Тѣже подати, которыя платило духовенство, перечисляются и въ грамотѣ ростовскаго архіепископа Іоны 1576 г. (А. Э. I, № 293).

обязаннымъ ему вносить известныя податей, вслѣдствіе чего оно и приравнивалось въ этомъ отношеніи къ тяглому сословію, такъ что выраженіе «тяглые поны» сдѣлалось официальнымъ, — «а опричь того съ тяглыми поны не тянуть ничего, писалось въ нѣкоторыхъ грамотахъ ¹⁾. Государство, съ своей стороны, смотрѣло на духовенство, владѣвшее землею, также, какъ на податное, относительно архіерея, сословіе и признавало право послѣдняго налагать на духовенство подати по своему произволу, вѣдать и судить его по своему личному усмотрѣнію. Въ царской жалованной грамотѣ новгородскому митрополиту Макарію 1622 года между прочимъ говорится, что поны и дьяконы вновь построенныхъ церквей, не вошедшихъ еще въ опись данныхъ книгъ, обязаны платить подати по тому окладу, «чѣмъ ихъ обложеть богомолецъ нашъ Макарій митрополитъ» ²⁾. Въ царской жалованной грамотѣ патр. Филарету сказано: «вольно ему отцу нашему великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичу въ своемъ патриаршествѣ ружныхъ и приходскихъ церквей тѣхъ городовъ и уѣздовъ и на поповъ и на дьяконовъ и на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и оброкъ положить, чѣмъ онъ, великій государь, которыхъ ружныхъ и приходскихъ поповъ и дьяконовъ и пустую церковную землю данью своею и оброкомъ изборочить» ³⁾. Въ приведенной царской грамотѣ патриархъ представляется и признается безусловнымъ, единовластнымъ владѣльцемъ духовенства своей епархіи; его права надъ духовенствомъ приравниваются къ правамъ помѣщика надъ крестьянами. Въ помѣстныхъ грамотахъ царей и архіереевъ, которыя они давали своимъ служилымъ людямъ, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ обыкновенно опредѣляются такимъ образомъ, что помѣщикъ вѣдаетъ и судить крестьянъ, а тѣ платятъ ему подати, какими онъ ихъ изборочить, — въ указанной грамотѣ царя патриарху отношенія послѣдняго къ духовенству опредѣляются точно такимъ же образомъ и даже въ тѣхъ же словахъ и выраженіяхъ.

Указанное вами особое отношеніе, существовавшее въ древней Руси между духовенствомъ и архіереями, естественно открывало широкій путь введенію владѣльческаго характера во все епархіальное управленіе архіерея, незамѣтно и постепенно

¹⁾ А. Н. I, № 241.

²⁾ А. Э. III, № 123, стр. 173.

³⁾ Ibid. III, № 164.

утверждало въ епархіальномъ управленіи принципъ частно владѣльческой и на немъ построенную администрацію. Если духовенство было относительно архіерея податнымъ тяглымъ сословіемъ, обязаннымъ вносить исправно въ архіерейскую казну извѣстныя подати, то его отношенія къ архіерею опредѣлялись въ этомъ случаѣ не церковными уже канонами, но личною волею и усмотрѣніемъ святителя, которымъ руководили опять уже не архипастырскія соображенія, но просто финансовыя. Архіерей смотрѣлъ въ этомъ случаѣ на всякое духовное лицо, какъ на податную единицу, какъ на такого человѣка, который обязанъ былъ ему взносомъ извѣстнаго количества податей, отъ исправнаго или неисправнаго платежа которыхъ наполнялась или терпѣла ущербъ его архіерейская казна. Вслѣдствіе этого вполне было естественно, что архіереи старались такъ устроить свое епархіальное управленіе, чтобы всѣ подати духовенствомъ вносились вполне исправно, чтобы архіерейская казна не только не терпѣла ущерба, но и увеличивалась въ своемъ объемѣ на счетъ духовенства и его прихожанъ. Что архіереи въ своемъ епархіальномъ управленіи значительно руководились денежными соображеніями, горячо преслѣдовали и отстаивали вездѣ интересы своей казны, это ясно видно, напримѣръ, изъ распрій новгородцевъ съ митрополитами изъ за мѣсячнаго суда и изъ ссоръ новгородскихъ владыкъ съ псковскимъ духовенствомъ изъ за того же, а также изъ свидѣтельствъ многихъ дошедшихъ до насъ грамотъ. Въ грамотѣ, напримѣръ, новгородскаго архіепископа псковичамъ 1477 г. сказано: «оставляю вамъ, сынове, въ свое мѣсто, на свой святительскій судъ, и на свой подѣздъ и на всѣ свои пошлины, камѣстника своего... и вы къ нему на судъ приходите и на всякую расправу, и честь надъ нимъ держите по нашему благословенію; а вы священники, которые не заплатили подѣзда моего, и вы ему платите подѣздъ нашъ, въ домъ святѣй Софїи и мнѣ, чисто, по старинѣ, безо всякаго забвенія, и корень давайте по старинѣ; а которые не заплатятъ подѣзда моего, и азъ тѣмъ литургисати не велю» ¹⁾. Въ наказной памяти новгородскаго митрополита Іоакима поповскому старостѣ 1673 года повелѣвается «всѣ подати собрати безъ недобору, а на ослушникахъ правити безъ всякія пощады»; собирать повелѣвается «съ большимъ поспѣшеніемъ днемъ и ночью», за мѣдленность «поповскому старостѣ

¹⁾ А. И. I, № 284.

быть въ жестокомъ наказаньѣ и смиреніи и отъ божественныя службы въ запрещеніи» ¹⁾. Въ инструкціи патріарха Адріана поповскимъ старостамъ сказано подобное же ²⁾. Если архіереи такъ тщательно и ревниво наблюдали въ епархіи интересы своей казны, то самымъ первымъ и лучшимъ средствомъ оградить ее отъ всякаго ущерба было: поручить епархіальное финансовое управленіе своимъ свѣтскимъ служилымъ лицамъ. Такъ смотрѣли на это дѣло архіереи, такъ они и поступали. Когда у колмогорскихъ, важскихъ и каргопольскихъ десятильниковъ отнято было право сбора податей и суда надъ духовенствомъ, то новгородскій митрополитъ въ 1622 году жаловался царю, что «тѣхъ городовъ въ уѣздахъ, по монастырямъ архимандриты и игумены и по мірскимъ храмамъ попы и дьяконы, и церковные причетники и земскіе люди, его богомольца нашего и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ не слушаютъ, и во всякихъ духовныхъ дѣлахъ подъ судъ не даются и ставятся сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами тѣ архимандриты и игумены и попы владѣютъ и корыстуются сами межъ себя, а въ софійскую казну архимандриты и игумены и по мірскимъ храмамъ попы и дьяконы, и церковные причетники и земскіе люди, богомольца нашего всякихъ пошлинъ не платятъ» ³⁾. Благодаря этимъ жалобамъ митрополита, права десятильниковъ въ упомянутыхъ городахъ были восстановлены въ прежнемъ объемѣ. Когда въ 1649 году духовенству Лопскихъ погостовъ дозволено было самимъ, помимо десятильниковъ, собирать и доставлять различныя пошлины въ Олонецъ царскимъ воеводамъ, которые и отсылали уже ихъ митрополиту, то послѣдній жаловался царю, что «въ Лопскихъ погостахъ попы и иные церковные причетники вѣчную пошлину многую таятъ и новичныхъ и перехожихъ гривенъ и почеревныхъ и похоронныхъ денегъ въ софійскую казну не платятъ» ⁴⁾; десятильники и здѣсь были восстановлены. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что архіереи только тогда считали свои финансовые интересы въ епархіи обеспеченными, когда власть надъ епархіальнымъ духовенствомъ находилась въ рукахъ ихъ свѣтскихъ чиновниковъ, но не выборныхъ изъ среды самаго ду-

¹⁾ А. И. IV, № 240.

²⁾ Древн. вивл. ч. XV, ст. 51.

³⁾ А. Э. III, № 123.

⁴⁾ А. Э. IV, № 42.

ховенства. И это вполне понятно: чиновники изъ самаго духовенства, какъ члены той же корпораціи, съ которою каждый изъ нихъ былъ связанъ своими личными и сословными интересами, единствомъ правъ и положенія, не могли быть въ глазахъ архіерея вполне надежными представителями и блюстителями въ епархіи его денежныхъ интересовъ, такъ какъ они были диаметрально противоположны ихъ личнымъ и сословнымъ интересамъ. На сколько сильно было въ каждомъ архіереѣ стремленіе получить съ духовенства подати «всѣ сполна безъ недобору», на столько же сильно было стремленіе въ каждомъ духовномъ лицѣ не платить податей архіерею и его чиновникамъ, лишь бы представился только къ сему удобный случай. Выборныя духовныя лица, какъ члены того же тяглаго сословія, какъ сами платившія тяжелыя подати архіерею, естественно, вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ, старались выдти изъ тяглаго для нихъ положенія, и бывали случаи, что выборные изъ духовенства поповскіе старосты не только сами не платили слѣдующихъ съ нихъ податей, но и другихъ побуждали къ тому же, открыто возбуждая духовенство противъ поборовъ архіереевъ и ихъ чиновниковъ¹⁾. Такимъ образомъ всѣ указанныя обстоятельства побуждали архіереевъ къ тому, чтобы все финансовое епархіальное управленіе ввѣрить своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, какъ такимъ лицамъ, которыя не принадлежали къ духовенству, не были связаны съ нимъ никакими личными и сословными интересами и которыя въ архіерейскихъ выгодахъ видѣли и находили свою личную выгоду. Слѣдовательно, благодаря тому обстоятельству, что духовенство въ древней Руси было обязано архіерею взносомъ извѣстныхъ податей, вслѣдствіе чего архіерей былъ какъ бы частнымъ владѣльцемъ его, все финансовое епархіальное управленіе получило поэтому частно-владѣльческій характеръ,—господствовала только личная воля и благоусмотрѣніе святителя и, какъ результатъ этого, поставленные имъ на епархіальныя должности его свѣтскіе служилые люди.

Епархіальное духовенство находилось въ безусловной зависимости отъ епархіальнаго архіерея, какъ владѣльца, не только въ финансовомъ отношеніи, но въ административномъ, полицейскомъ и судебномъ, такъ какъ архіерей не только облагалъ духовенство податями по своему личному усмотрѣнію, но онъ еще

вѣдалъ и судилъ его во всѣхъ дѣлахъ, какъ духовныхъ, такъ гражданскихъ и уголовныхъ, за исключеніемъ татѣбы съ поличнымъ, разбоя и убійства. Слѣдовательно, въ административномъ и судебномъ отношеніи, также какъ и въ финансовомъ духовенство опять зависѣло отъ архіерея. Поэтому, вполне было естественно, что административное и судебное управленіе епархіею получило тотъ же самый владѣльческій характеръ, какъ и финансовое, и тѣ же лица, которыя, какъ частные служилые люди архіерея, завѣдывали административнымъ и судебнымъ управленіемъ принадлежавшихъ его каедрѣ владѣній, сдѣлались потомъ и епархіальными чиновниками, получили власть надъ духовенствомъ административную, полицейскую, судебную. Этотъ переходъ частныхъ служилыхъ людей при архіерейскомъ дворѣ въ епархіальныхъ чиновниковъ, какъ естественный результатъ владѣльческаго управленія архіереемъ своею епархіею, кромѣ того облегчался еще нѣкоторыми побочными, но очень важными, въ этомъ случаѣ, обстоятельствами.

Назначеніе на различныя должности по епархіальному управленію духовныхъ лицъ могло имѣть въ глазахъ архіереевъ слѣдующія неудобства, которыя заставляли ихъ предпочитать въ епархіальномъ управленіи свѣтскихъ служилыхъ людей выборнымъ изъ духовенства. Во первыхъ, духовныя лица всегда имѣли свои собственныя обязанности по сану, и потому естественно не могли обращать исключительнаго вниманія на порученныя имъ епархіальныя дѣла, не могли отрываться всегда отъ своихъ пастырскихъ обязанностей, чтобы точно выполнить обязанности чиновниковъ. Во вторыхъ, чиновники изъ духовенства, какъ лица сами заинтересованныя, могли представлять архіерею дѣла епархіальныя въ иномъ свѣтѣ, нежели какими онѣ были въ дѣйствительности, или о многомъ, гдѣ примѣшивался личный интересъ, и вовсе не доносить архіерею, отъ чего въ церковную жизнь вкрались бы многіе безпорядки и злоупотребленія, чему мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ примѣры. Къ этому еще нужно прибавить и то, что уровень пониманія тогдашнимъ духовенствомъ его пастырскихъ обязанностей былъ особенно не высокъ; духовенство по своему умственному и нравственному развитію мало чѣмъ отличалось отъ своихъ прихожанъ, иногда только умѣнемъ читать и писать, да и это преимущество не всегда принадлежало ему, а потому не удивительно, что оно часто не могло быть не только строгимъ, но и просто ревнителемъ правильнаго теченія епархіальныхъ дѣлъ,

¹⁾ А. Ю. № 49.

такъ что и въ этомъ отношеніи не имѣло преимуществъ предъ свѣтскими чиновниками. Никонъ свою просьбу царю о возстановленіи въ Лопскихъ погостахъ упраздненныхъ—было десятильниковъ мотивировалъ между прочимъ тѣмъ, что «крестьяне межъ собою женятся въ роду и въ племени, и въ кумовствѣ, и въ сватовствѣ, и въ крестномъ братствѣ, а попы на нихъ не извѣщаютъ»¹⁾. Въ царской жалованной грамотѣ патріарху Филарету на Ржевскую десятину между прочимъ говорится: «велѣлъ дѣдъ нашъ протопопу съ братьею игуменовъ и поповъ и дьяконовъ городскихъ и сельскихъ и весь причетъ церковный судити и дань съ нихъ имати... и протопопъ и игуменовъ и поповъ и дьяконовъ и весь причетъ церковный судитъ во всемъ и въ духовныхъ дѣлѣхъ кромѣ божественныхъ правилъ, а попыде городскіе и сельскіе живутъ не по церковному чину, а воздержати ихъ отъ того безчинства некому, о всемъ же приходятъ къ протопопу съ братьею, а благословенія Макарія митрополита не требуютъ»²⁾. Указанныя неудобства, сопряженныя съ назначеніемъ на должности административныхъ епархіальныхъ чиновниковъ духовныхъ лицъ въ значительной степени устранялись, когда эти должности замѣщались свѣтскими служилыми людьми архіерея. Они не были связаны никакими другими обязанностями, кромѣ обязанностей занимаемой ими должности, они постоянно находились при архіереѣ и доставляли ему точныя необходимыя свѣдѣнія о положеніи епархіальныхъ дѣлъ, такъ какъ назначались на должности на короткіе сроки, по большей части на одинъ годъ, и по возвращеніи давали архіерею точный отчетъ о своемъ управленіи и теченіи всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ; они не связаны были съ духовенствомъ никакими общими интересами, не имѣли нужды потакать его недостаткамъ и проступкамъ. Напротивъ, въ открытіи и преслѣдованіи беспорядковъ и преступленій въ жизни и дѣятельности духовенства былъ замѣшанъ ихъ личный, денежный интересъ. За позывъ къ суду обвиняемаго, за самый судъ и проч. они получали за каждый разъ извѣстную плату,—это было ихъ жалованье, награда за службу, кормленіе,—потому собственный личный интересъ побуждалъ ихъ зорко слѣдить за всѣми безпорядками епархіальной жизни и немедленно преслѣдовать ихъ, какъ скоро они замѣчались, такъ что архіереѣ, ввѣривши имъ

¹⁾ А. Э. IV, № 42.

²⁾ А. Э. III, № 109, стр. 150.

административное епархіальное управленіе, былъ вполне увѣренъ, что ему хорошо будетъ извѣстно каждое криминальное событіе въ его епархіи, что его чиновники не оставятъ безъ преслѣдованія ни одного проступка духовнаго лица, что надъ духовенствомъ такимъ образомъ существовалъ постоянный и строгій надзоръ. Кромѣ того, архіереѣ могъ распоряжаться своими свѣтскими чиновниками съ гораздо большею свободою и произволомъ, нежели чиновниками изъ духовенства, такъ какъ въ послѣднихъ онъ видѣлъ не только чиновниковъ, но и пастырей церкви, имѣющихъ свои постоянныя опредѣленныя обязанности, исполненіе которыхъ, конечно, было важнѣе и выше исполненія обязанностей чиновника, почему архіереѣ духовнымъ лицомъ не всегда могъ такъ свободно распорядиться, какъ свѣтскимъ, что, конечно, стѣсняло архіереевъ и побуждало ихъ предпочитать, при назначеніи на разныя епархіальныя должности, своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей духовнымъ лицамъ. Что же касается полицейскихъ, собственно, обязанностей по епархіальному управленію, которыя были и многочисленны и сложны, а между тѣмъ, въ силу полной самостоятельности архіерейскаго епархіальнаго управленія, должны были быть выполняемы архіерейскими чиновниками, то возложить ихъ на свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея было, очевидно, самое лучшее. Духовное лицо не могло отрываться отъ своихъ пастырскихъ обязанностей, чтобы призывать на судъ обвиняемыхъ и свидѣтелей, снимать допросы и дѣлать предварительныя разслѣдованія на мѣстѣ, держать обвиняемыхъ во время слѣдствія и суда при себѣ въ оковахъ, производить расправу надъ виновными и пр. Священникъ въ такомъ случаѣ рѣшительно долженъ бы былъ совсѣмъ оставить свой приходъ и свои пастырскія обязанности; при томъ полицейскія обязанности и просто были не приличны духовному лицу.

Если архіереѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, имѣли достаточныя для нихъ основанія поручить финансовое, административное и полицейское епархіальное управленіе своимъ придворнымъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, то этого, по видимому, совершенно нельзя сказать о судебномъ епархіальномъ управленіи въ виду тѣхъ церковныхъ правилъ, которыя требуютъ, чтобы духовныя лица судились духовными же, а не мірскими лицами, такъ что обойти эти правила, по видимому, не было никакой возможности. Чтобы объяснить себѣ, какимъ образомъ архіереѣ могли предоставить своимъ свѣтскимъ чиновникамъ судъ надъ

духовенствомъ вопреки церковнымъ правиламъ и всей церковной практикѣ, необходимо обратить вниманіе на область и предметы церковнаго суда въ древней Россіи вообще.

Область церковнаго или епископскаго суда въ древней Руси была очень обширна. Епископскому суду подлежали: а) всѣ лица бѣлаго и чернаго духовенства въ дѣлахъ духовныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ, исключая татбы съ поличнымъ, убійства и разбоя; впрочемъ, въ ханскихъ ярлыкахъ и нѣкоторыхъ грамотахъ и эти преступленія отнесены къ области церковнаго суда. б) Суду церковному подлежали жены и дѣти духовенства, послѣднія впрочемъ только въ томъ случаѣ, когда онѣ жили нераздѣльно съ отцомъ ¹⁾. в) Всѣ лица, которыя въ какомъ-либо отношеніи причислялись къ церковнымъ людямъ, каковы, напримѣръ, паломники, врачъ, люди съ физическими недостатками—слѣпецъ, хромецъ и проч. д) Всѣ служилые и дворовые люди архіереевъ, а также всѣ лица, жившія на земляхъ, принадлежавшихъ архіерейскимъ каедрамъ. е) Наконецъ, суду епископскому подлежали всѣ мірскіе люди по преступленіямъ противъ вѣры, каковы: богохульство, ересь, расколъ, волшебство и пр.; по преступленіямъ противъ нравственности, именно: различные виды плотской нечистоты: по дѣламъ брачнымъ: незаконные въ какомъ-либо отношеніи браки, нарушеніе чистоты брачныхъ отношеній и т. п.; отношенія родителей къ дѣтямъ: преступленія дѣтей противъ родителей, насильственные дѣйствія послѣднихъ надъ дѣтьми, насильственное ихъ постриженіе, насильственный бракъ и пр.; дѣла по наслѣдству: о духовныхъ завѣщаніяхъ, о раздѣлѣ имущества послѣ умершихъ и проч. При всемъ множествѣ и разнообразіи дѣлъ, принадлежавшихъ къ области архіерейской юрисдикціи въ древней Руси, они однако удобно допускали раздѣленіе ихъ на двѣ обширныя, но совершенно отличныя одна отъ другой категоріи: къ первой принадлежали дѣла собственно духовныя, преступленія духовныхъ лицъ противъ ихъ сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, преступленія противъ вѣры: нарушенія различныхъ церковныхъ правилъ и постановленій; ко второй принадлежали всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, которыя только относились къ области архіерейской юрисдикціи. Согласно такому раздѣленію судебныхъ дѣлъ, архіерей, какъ скоро у нихъ появились свѣт-

скіе чиновники, оставили за собою непосредственный судъ только по дѣламъ чисто духовнымъ, судъ же по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ надъ всѣми лицами, подлежащими ихъ юрисдикціи, они предоставили своимъ свѣтскимъ чиновникамъ, впрочемъ такъ, что послѣдніе не имѣли права сами собою рѣшить ни одного сколько нибудь важнаго дѣла безъ доклада архіерею. Окончательный приговоръ по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, въ существѣ дѣла, всегда принадлежалъ архіерею, который не иначе утверждалъ судебный приговоръ своихъ чиновниковъ, какъ спросивши предварительно тяжущихся, таковъ ли имъ былъ судъ въ дѣйствительности, какъ записанъ въ судебныхъ спискахъ, или нѣтъ. Правда, было въ этомъ случаѣ одно очень важное препятствіе, которое, по видимому, должно бы было удерживать архіереевъ отъ передачи судебныхъ дѣлъ второй категоріи въ руки своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, именно: указанныя судебныя дѣла для того и уступлены были вѣдѣнію церкви, чтобы онѣ разбирались и рѣшались именно духовными лицами, иначе въ уступкѣ этихъ дѣлъ вѣдѣнію церкви не было бы никакого смысла, такъ какъ княжескіе чиновники разбирали бы и рѣшали ихъ конечно ничѣмъ не хуже точно такихъ же архіерейскихъ чиновниковъ. Но дѣло въ томъ, что свѣтскіе архіерейскіе чиновники появились сравнительно въ позднѣйшее время, когда первоначальный смыслъ передачи указанныхъ дѣлъ вѣдѣнію церкви отчасти потерялъ свое значеніе, отчасти не сознавался болѣе какъ передавшимъ, такъ и принявшимъ, вслѣдствіе чего архіереи въ этомъ случаѣ поступали такъ, какъ находили для себя болѣе удобнымъ, принимая во вниманіе только современное имъ положеніе дѣлъ. Въ томъ обстоятельствѣ, что они дѣла гражданскія—мірскія отдали въ вѣдѣніе своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, архіереи не видѣли ничего противоцерковнаго; напротивъ, они находили, что свѣтскимъ лицамъ было приличнѣе заниматься дѣлами свѣтскими, мірскими, тѣмъ болѣе, что окончательное рѣшеніе и этихъ дѣлъ всегда зависѣло отъ самого архіерея, который по своему усмотрѣнію отмѣнялъ или утверждалъ приговоры своихъ свѣтскихъ чиновниковъ; почему архіереи и оставили въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи только дѣла строго-духовныя, въ которыя свѣтскіе чиновники уже не имѣли права вмѣшиваться. Епископы, говоритъ Герберштейнъ, больше занимаются предметами вѣры, а попеченіе о домѣ и другихъ дѣлахъ поручаютъ подъ своимъ надзо-

ромъ чиновникамъ ¹⁾. Конечно съ церковной точки зрѣнія лучше было бы поручить все эти дѣла вѣдѣнію духовныхъ лицъ, выбранныхъ изъ среды епархіальнаго духовенства, но этому препятствовали финансовыя выгоды архіерея, такъ какъ онъ не платилъ жалованья своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, а вмѣсто этого отдавалъ имъ въ кормленіе различныя епархіальныя должности. Какъ бы то ни было, но только благодаря указанному раздѣленію области архіерейскаго суда все духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, подчинено было во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ суду свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, которые подъ высшимъ надзоромъ святителей и судили «опричь духовныхъ дѣлъ» все епархіальное духовенство: о дѣлахъ же послѣдняго рода они только обязаны были «всегда, безурочно» доносить архіерею и немедленно представлять виновныхъ на его самоличный святительскій судъ, — самимъ же вмѣшиваться въ духовныя дѣла имъ строго запрещалось. Правда, что на практикѣ послѣднее условіе не всегда строго соблюдалось отчасти и самими архіереями, которые, будучи заняты множествомъ дѣлъ, могли сами поручать иногда ближайшимъ довѣреннымъ своимъ свѣтскимъ служилымъ лицамъ разслѣдованіе и судебное разбирательство и дѣлъ собственно духовныхъ, конечно оставляя за собою произнесеніе окончательнаго приговора, но въ большинствѣ случаевъ оно не соблюдалось самими чиновниками, которые самовольно вторгались въ непринужденную имъ область собственно церковнаго суда. Стоглавый соборъ съ особою силою настаиваетъ на томъ, чтобы духовныя лица во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ судились духовными же, и чтобы свѣтскіе чиновники на этомъ судѣ и не присутствовали, развѣ въ качествѣ только писарей, и тѣмъ самымъ показываетъ, что до собора порядокъ дѣлъ въ указанномъ отношеніи былъ нѣсколько иной. Но если свѣтскіе архіерейскіе чиновники и судили иногда духовныхъ лицъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, но и въ духовныхъ, то это были въ большинствѣ случаевъ исключенія, или же чаще злоупотребленія со стороны самыхъ свѣтскихъ чиновниковъ, такъ какъ архіереи, по крайней мѣрѣ, теоретически всегда строго различали дѣла собственно духовныя и гражданскія и предоставляли вѣдѣнію свѣтскихъ чиновниковъ только послѣднія, оставляя первыя за собою.

¹⁾ Ут. общ. ист. 1863 г. кн. I, стр. 45, примѣч. 86.

Такимъ образомъ хотя русская церковь приняла изъ Греціи вмѣстѣ съ христіанствомъ вполне выработанное и строго определенное законодательство, церковныя учрежденія и управленіе; однако это нисколько не помѣшало или, по крайней мѣрѣ, не воспрепятствовало образованію у насъ самобытной, на началахъ и особенностяхъ русской жизни основанной, свѣтской церковной администраціи, не помѣшало вышнимъ формамъ епархіальнаго церковнаго управленія сложиться у насъ самобытно, какъ того требовали особенности русской церковной и государственной жизни, особенности русскихъ юридическихъ воззрѣній.

Въ виду церковныхъ канонѳвъ и практики греческой церкви порядокъ епархіальнаго управленія, какъ онъ сложился въ древней Руси, по видимому, долженъ бы навести на нашихъ іерарховъ сомнѣніе въ его законности, съ строго церковной точки зрѣнія; но на дѣлѣ этого не было, да и не могло быть, ибо что такое были свѣтскіе епархіальныя чиновники въ глазахъ архіерея? Не болѣе, какъ его слуги. Они назначались на свои должности, по крайней мѣрѣ до второй половины XVI в., исключительно архіереями, находились отъ нихъ въ безусловной всегдашней зависимости, кругъ ихъ дѣятельности, ихъ обязанности, тотъ или другой характеръ выполненія этихъ обязанностей, образъ и способъ веденія дѣлъ—словомъ, во всемъ и всегда они безусловно зависѣли отъ архіерея. Какъ князь въ своей области былъ полный, ничѣмъ не ограниченный, господинъ, назначавшій и смѣнявшій своихъ чиновниковъ по своему личному усмотрѣнію и произволу, по своему усмотрѣнію опредѣлявшій кругъ и образъ ихъ дѣятельности, такъ дѣйствовалъ и архіерей относительно своихъ свѣтскихъ чиновниковъ: онъ могъ распоряжаться ими рѣшительно по своему произволу, могъ по своему личному усмотрѣнію назначать и увольнять ихъ отъ должности, нынѣ могъ такъ опредѣлять кругъ дѣятельности извѣстнаго чиновника, завтра—иначе, словомъ, архіерей былъ владѣлецъ—господинъ, свѣтскіе его чиновники—простые, относительно его, слуги, не отличавшіеся, по крайней мѣрѣ до стоглаваго собора, отъ обыкновенныхъ вольно-наемныхъ слугъ. Понятно, что при такомъ отношеніи свѣтскихъ чиновниковъ къ своему архіерею, послѣдній вовсе не думалъ, что, управляя епархіею чрезъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, онъ нарушаетъ тѣмъ истинный характеръ церковнаго управленія ¹⁾; все происходитъ отъ него, только

¹⁾ На заявленіе свящ. Георгія Скрипичи о незаконности управленія епар-

отъ него его свѣтскіе чиновники получаютъ свои права, власть и силу въ епархіальномъ управленіи, только по его санкціи они дѣлаютъ то или другое, и сами по себѣ рѣшительно не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія. Слѣдовательно, въ существѣ дѣла всѣмъ въ епархіи управляетъ онъ архіерей, а не кто либо другой,—принципъ независимости духовенства отъ посторонней власти кромѣ архіерейской нисколько не нарушался такимъ образомъ въ глазахъ архіерея существованіемъ свѣтскихъ епархіальныхъ чиновниковъ; архіерей, какъ самостоятельный и независимый правитель, могъ назначать на различныя епархіальныя должности кого хотѣлъ, будутъ ли то духовныя или свѣтскія лица. Дѣло получило бы совершенно иное значеніе, еслибы свѣтскіе архіерейскіе чиновники, какъ это было въ XVII в., назначались отъ государства, или были выборными отъ общества, въ этомъ случаѣ русскіе архіереи всегда являлись ревностными поборниками полной независимости церковнаго управленія отъ вмѣшательства свѣтской мірской власти. Притомъ, архіерей если не всегда на практикѣ, то всегда въ принципѣ строго держались того взгляда, что духовные во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ должны зависѣть отъ духовныхъ лицъ; слѣдовательно, существованіе свѣтскихъ епархіальныхъ чиновниковъ не нарушало и не уничтожало коренной отличительной черты духовенства въ ряду другихъ сословій — зависѣть во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ только отъ архіереевъ и поставленныхъ ими духовныхъ лицъ. Дѣла же гражданскія, уголовныя и финансовыя духовенства, какъ не имѣющія прямого отношенія къ ихъ пастырскому служенію и обязанностямъ, могли быть поэтому поручены и вѣдѣнію свѣтскихъ лицъ, почему архіерей, ничтоже сумняся, могъ спокойно поручить все епархіальное административное, судебное и финансовое управленіе своимъ свѣтскимъ придворнымъ служилымъ людямъ, въ полной увѣренности, что отъ этого епархіальное управленіе не только не проигрываетъ, но еще вы-

хлѣльными дѣлами чрезъ свѣтскихъ чиновниковъ отцы собора 1503 года не обратили никакого вниманія конечно потому, что смотрѣли на это дѣло иначе, нежели Скрипица. Точно также и стоглавый соборъ не возстаетъ противъ участія свѣтскихъ чиновниковъ въ епархіальныхъ дѣлахъ, и только старается точнѣе опредѣлить степень этого участія и ограничить ихъ злоупотребленія. Въ частныхъ заявленіяхъ духовенства противъ поборовъ и притѣсненій свѣтскихъ чиновниковъ архіерей не видѣли протеста на всю систему ихъ управленія, а только заявленія о частныхъ злоупотребленіяхъ, какъ это и было въ дѣйствительности.

игрываетъ. Но еслибы у него и послѣ всего этого оставались какія либо сомнѣнія въ законности подобнаго порядка дѣлъ, то всѣ эти сомнѣнія скоро улѣтучивались въ виду одного, очень убѣдительнаго для архіереевъ, аргумента, который всегда крѣпко поддерживалъ ихъ въ той мысли, что епархіальное управленіе должно совершаться именно чрезъ ихъ свѣтскихъ служилыхъ людей, что лучшаго управленія епархіею и не можетъ быть.

Вся древняя государственная администрація была построена на такъ называемой системѣ кормленія, сущность которой состояла въ томъ, что князья не платили жалованья своимъ служилымъ и должностнымъ лицамъ, а вмѣсто этого послѣдніе пользовались доходами отъ самаго прохожденія должности, что называлось кормленіемъ. Дворянинъ, напримѣръ, просясь на воеводство въ какой либо городъ, обыкновенно писалъ: «прошу отпустить покормиться». Въ государственномъ разрядѣ хранились особыя записи, въ которыхъ было высчитано среднее количество суммы, какую въ какомъ городѣ наживалъ воевода. Сначала отпускали не болѣе, какъ на три года, но потомъ стали назначать на неопредѣленные сроки, вслѣдствіе чего явились такія злоупотребленія, что о нихъ, говоритъ Татищевъ, упоминать жалко и стыдно ¹⁾. Свѣтская епархіальная церковная администрація, такъ же какъ и государственная, была построена на системѣ кормленія,—каждый епархіальный чиновникъ не получалъ изъ архіерейской казны жалованья, но кормился отъ прохожденія своей должности: судья бралъ извѣстный процентъ съ цѣны иска, дяки — съ подписи различнаго рода бумагъ, приставъ или недѣльщикъ получалъ извѣстную плату за позывъ и доставку къ суду отвѣтчика и свидѣтелей, десятильникъ собиралъ въ свою пользу извѣстныя пошлины съ своей десятины и пр. Вслѣдствіе этого, вполне было естественно, что архіереи старались всѣ епархіальныя должности занять своими придворными служилыми людьми. Каждая должность отдавалась въ кормленіе только на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго кормленщикъ смѣнялся и его замѣнялъ другой, такъ что всѣ служилые люди архіерея, чередуясь въ занятіи тѣхъ или другихъ должностей, успѣвали отъ нихъ «покормиться», не требуя отъ архіерея никакой другой награды за свою службу у него. Архіерейская казна въ этомъ случаѣ не тратила ни одной своей копейки, а между тѣмъ у архіерея постоянно былъ многочислен-

¹⁾ Суд. пар. 24 примѣч.

ный штатъ служилыхъ людей, которые всѣмъ ему были обязаны, во всемъ безусловно отъ него зависѣли, и которыми онъ всегда могъ распоряжаться по своему личному усмотрѣнію и произволу. Еслибы всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ удалить отъ епархіальныхъ должностей, то не духовенству, а архіереямъ пришлось бы содержать ихъ на свой счетъ, чего, конечно, имъ очень не хотѣлось, а потому не удивительно, что архіереи всѣ епархіальныя должности отдали своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, не удивительно, что они твердо держались за такой порядокъ дѣлъ и были убѣждены, что съ поставленіемъ духовныхъ лицъ, вмѣсто ихъ служилыхъ людей, на различныя епархіальныя должности, нарушится правильное теченіе епархіальныхъ дѣлъ, духовенство окончательно выйдетъ изъ подъ власти своего архіерея и послѣдній будетъ вполнѣ безсиленъ въ борьбѣ съ различными церковными беспорядками, такъ какъ ему не на кого будетъ опереться. Такимъ образомъ несомнѣнныя удобства, денежные выгоды и, по воззрѣніямъ архіереевъ, самый интересъ правильнаго теченія всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ побуждали ихъ управлять епархіею чрезъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, предпочитать ихъ выборнымъ духовнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего свѣтскіе архіерейскіе чиновники и продолжали существовать до самаго конца XVII в., пока измѣнившіяся условія государственной и церковной жизни не вызвали наконецъ въ церковномъ епархіальномъ управленіи коренной реформы, послѣ которой свѣтскіе архіерейскіе чиновники были удалены отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ и замѣнены духовными лицами.

Свѣтское архіерейское чиновничество очень не скоро явилось какъ опредѣленный, вполнѣ организованный институтъ, не скоро заняло опредѣленное мѣсто и положеніе въ епархіальномъ управленіи. Сліянiе частно-владѣльческаго архіерейскаго управленія съ епархіальнымъ, конечно, произошло не вдругъ, а постепенно, совершалось мало по малу, незамѣтно и въ теченіи значительнаго періода времени. Поэтому и смѣшеніе обязанностей свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, какъ частныхъ придворныхъ служилыхъ людей архіерея, какъ завѣдующихъ управленіемъ его частными дѣлами, съ обязанностями епархіальныхъ чиновниковъ, какъ завѣдующихъ не только частными дѣлами архіерея, но и епархіальнымъ управленіемъ, совершилось тоже не вдругъ, а постепенно, незамѣтно для самихъ архіереевъ, пока, наконецъ, привычка и давность, уже утвердившійся и сложившійся обычай, не получилъ легальнаго характера, какъ совер-

шившійся и признанный практикою жизни фактъ. Первоначально участіе придворныхъ служилыхъ людей архіерея въ епархіальномъ управленіи, какъ необходимо предполагать, носило на себѣ характеръ совершенно случайный и временный. Архіерей, занятый многочисленными разнообразными дѣлами и исполненіемъ трудныхъ своихъ пастырскихъ обязанностей, посылалъ иногда къ случаю своего служилаго человѣка разслѣдовать какое нибудь особенно спутанное, необходимо требующее присутствія на мѣстѣ, дѣло въ какомъ нибудь отдаленномъ углу его епархіи, поручалъ иногда ему, за неимѣніемъ досуга и времени, разобрать какое нибудь судебное дѣло, конечно, подъ условіемъ донесенія о всемъ ему, архіерею; при случаѣ поручалъ ему присмотрѣть за жизнію и поведеніемъ духовенства въ томъ или другомъ мѣстѣ его епархіи, за исполненіемъ со стороны духовенства тѣхъ или другихъ его предписаній, которыми онъ особенно дорожилъ, посылалъ его позвать виновныхъ на судъ, собрать съ духовенства пошлины, которыя оно не совсѣмъ исправно доставляло и пр., словомъ, архіерей давалъ сначала своимъ служилымъ людямъ только частныя и случайныя порученія по епархіальному управленію, при чемъ ничего твердаго и опредѣленнаго въ ихъ обязанностяхъ въ этомъ отношеніи еще не было. Только съ теченіемъ времени первоначально случайный и временный характеръ участія свѣтскихъ чиновниковъ въ епархіальномъ управленіи получилъ нѣкоторую устойчивость и опредѣленность, именно: когда одинъ архіерей сталъ принимать такой порядокъ дѣлъ отъ своего предшественника какъ нѣчто утвержденное обычаемъ и жизнію, какъ завѣщанное стариною. Съ другой стороны, самый владѣльческій характеръ архіерейскаго епархіальнаго управленія и произволъ, особенно относительно ихъ служилыхъ людей, естественно былъ въ высшей степени неблагоприятенъ установленію постоянныхъ строго опредѣленныхъ чиновъ и должностей, съ постоянно одинаковымъ и устойчивымъ кругомъ обязанностей, такъ что о правильномъ и опредѣленномъ распредѣленіи должностей и обязанностей между извѣстными чинами и разными должностными лицами въ древнѣйшее время не могло быть и рѣчи; кому что въ данную минуту архіерей поручалъ, тотъ то и исполнялъ, нынѣ съ извѣстною должностію соединены были такія обязанности, завтра—другія; не должностію или чиномъ опредѣлялся характеръ, кругъ обязанностей и дѣятельности извѣстнаго лица, но личнымъ взглядомъ архіерея и требованіемъ обстоятельствъ, такъ что опять требовалось

время, привычка и давность, чтобы изъ неопредѣленнаго и случайнаго вначалѣ выработалось потомъ опредѣленное и постоянное. Если, сравнительно, въ позднѣйшее время, въ XVI и даже XVII вв. смѣшеніе обязанностей свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, какъ частныхъ слугъ архіерея и какъ епархіальныхъ чиновниковъ еще существовало такъ, что дьякъ, напримѣръ, исполняя въ приказѣ секретарскія обязанности, въ тоже время, за обѣдомъ архіерея, являлся въ роли какого нибудь кравчаго, то въ первое время возникновенія свѣтскаго архіерейскаго чиновничества, это смѣшеніе различныхъ обязанностей, конечно, было явленіемъ самымъ обычнымъ и постояннымъ. При этомъ нельзя опускать изъ вида и того обстоятельства, что въ древнѣйшее время свѣтскіе архіерейскіе чиновники и служилые люди не были такъ многочисленны и разнообразны, какъ въ позднѣйшее время, и потому тогда на долю одного лица выпадало исполненіе довольно разнообразныхъ обязанностей, которыя потомъ были раздѣлены между нѣсколькими лицами, вслѣдствіе чего въ ихъ обязанностяхъ не могло быть строгой опредѣленности, раздѣльности и устойчивости. На эту неопредѣленность и неустойчивость обязанностей архіерейскихъ служилыхъ людей древнѣйшаго времени указываютъ и дошедшія до насъ изъ древнѣйшаго періода грамоты, въ которыхъ обыкновенно употребляется выраженіе: «свѣдаетъ и судитъ епископъ самъ или кому прикажетъ», «сужу азъ (митрополитъ, епископъ) или мои приказные люди»; между тѣмъ, въ позднѣйшихъ грамотахъ эти неопредѣленныя выраженія замѣняются опредѣленнымъ указаніемъ на то или другое должностное лицо: сужу азъ или мои бояре, или десятильники и проч. Изъ сказаннаго о характерѣ образованія и дѣятельности свѣтскаго архіерейскаго чиновничества въ древнѣйшее время само собою становится очевиднымъ, что точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о чиновникахъ перваго времени ихъ существованія мы не можемъ имѣть, ради крайней неопредѣленности и необходимой спутанности ихъ обязанностей и отношеній. Слѣдовательно, прослѣдить исторію развитія свѣтскаго епархіальнаго чиновничества съ первыхъ временъ его возникновенія до позднѣйшаго времени, съ отчетливымъ указаніемъ тѣхъ перемѣнъ, какія происходили въ немъ въ то или другое время, по недостатку свѣдѣній, особенно за первое время, нѣтъ почти никакой возможности, такъ что необходимо приходится прибѣгать иногда къ предположеніямъ, догадкамъ или къ аналогіи съ государственнымъ чиновничествомъ. Болѣе точныя и

опредѣленныя свѣдѣнія о самыхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ относятся уже къ XV и XVI вѣкамъ, и это вполне понятно. Такъ какъ архіереи въ устройствѣ своего двора, при учрежденіи различныхъ чиновъ и должностей, брали за образецъ княжескій дворъ, то вполне было естественно, что свѣтское архіерейское чиновничество развивалось параллельно княжескому чиновничеству. А такъ какъ княжескій дворъ, со множествомъ своихъ чиновъ и должностей, явился не вдругъ, а постепенно, и придворное чиновничество вполне развилось и сложилось въ Москвѣ, когда она стала объединять и, дѣйствительно, объединила всю сѣверовосточную Русь; то и свѣтское архіерейское чиновничество вполне развилось и сложилось при московскихъ митрополитахъ второй половины XV и въ началѣ XVI вѣка. И какъ полное развитіе формъ древняго государственнаго управленія относится ко второй половинѣ XVI и къ первой половинѣ XVII столѣтій, такъ къ этому же времени относится полное развитіе свѣтскаго архіерейскаго чиновничества, и далѣе, какъ въ сферѣ государственнаго управленія съ конца XVII столѣтія начались реформы и преобразованія, такъ тоже произошло и въ сферѣ церковнаго епархіальнаго управленія.

Такимъ образомъ до XV вѣка, и даже до второй его половины, мы мало можемъ сказать что-либо опредѣленное и положительное о свѣтскомъ архіерейскомъ чиновничествѣ, особенно, если будемъ говорить не вообще о чиновничествѣ, но о томъ или другомъ чиновникѣ въ отдѣльности; по необходимости приходится начинать дѣло по большей части съ XV вѣка, къ концу котораго уже несомнѣнно все епархіальное управленіе находилось въ рукахъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, и когда свѣтскіе чиновники заняли въ епархіальной администраціи болѣе или менѣе опредѣленное мѣсто и положеніе. Особенно важное значеніе въ исторіи свѣтскаго архіерейскаго чиновничества имѣютъ постановленія собора 1551 г. «о святительскомъ судѣ»¹⁾.

До столпаваго собора свѣтскіе архіерейскіе чиновники хотя и заправляли всѣми епархіальными дѣлами, однако ихъ существованіе не было еще признано доселѣ такимъ церковно-законодательнымъ актомъ, который бы имѣлъ обязательную для всѣхъ силу, каковы соборныя постановленія, — чиновники доселѣ существовали только фактически, въ силу утвердившагося обычая. Поэтому, самыя ихъ права, обязанности, степень власти, точно

¹⁾ А. и. I, № 133.

также не были определены законодательством; здѣсь опять дѣйствовалъ установившійся обычай, традиція и затѣмъ личная воля и усмотрѣніе святителей. Каждый святитель могъ по своему понимать и опредѣлять права и обязанности своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, руководствуясь личнымъ усмотрѣніемъ, требованіемъ обстоятельствъ и обычаемъ, такъ какъ ни церковное, ни свѣтское законодательство этого не касалось. Правда, существовали кой-какія грамоты, въ которыхъ архіереи, по какому нибудь частному случаю, опредѣляли обязанности и права своихъ свѣтскихъ чиновниковъ, но эти грамоты, какъ частныя и случайныя, не имѣли, конечно, никакого обязательнаго значенія. Мало этого, самая личность свѣтскаго архіерейскаго чиновника, до стоглаваго собора, была ничѣмъ не гарантирована отъ произвола архіерея: онъ могъ во всякое время, по своему лишь собственному усмотрѣнію, смѣнить любого своего чиновника и даже вовсе уволить его отъ службы у себя,—могъ набирать къ себѣ на службу новыя лица и раздавать имъ придворныя и епархіальныя должности, никто не препятствовалъ его произволу, государство еще не вмѣшивалось въ его отношенія къ служилымъ людямъ, почему архіерей всегда могъ распорядиться ими, какъ и обыкновенною вольнонаемною прислугою. Со времени стоглаваго собора положеніе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ и ихъ отношенія къ архіерею значительно измѣнились. Соборъ, прежде всего, призналъ фактъ существованія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, допустилъ ихъ къ участию въ епархіальномъ управленіи, согласно установившемуся и общему всѣмъ епархіямъ обычаю; но онъ при этомъ постарался точнѣе опредѣлить степень ихъ власти и участія въ епархіальныхъ дѣлахъ, ихъ права и обязанности, старался ограничить ихъ злоупотребленія и притѣсненія, которыя они дѣлали духовенству, строго запретилъ вмѣшиваться особенно въ духовный судъ и въ собственно духовныя епархіальныя дѣла, предоставивъ ихъ вѣдѣнію исключительно дѣла гражданскія. Кромѣ этого, такъ какъ свѣтскіе чиновники захватили въ свои руки рѣшительно всѣ епархіальныя должности, совсѣмъ вытѣснивъ отсюда духовныхъ лицъ, то соборъ призналъ такое положеніе дѣлъ незаконнымъ и ввелъ въ епархіальное управленіе духовныя лица, такъ называемыхъ, поповскихъ старостъ, которые избирались духовенствомъ изъ своей среды, должны были замѣнить собою во многомъ свѣтскихъ чиновниковъ и, даже болѣе,—контролировать всю служебную дѣятельность послѣднихъ, съ правомъ дѣлать

имъ предостереженія и доносить объ ихъ злоупотребленіяхъ святителю и самому царю. Опредѣливъ права, обязанности и степень власти свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, призвавъ къ участию въ епархіальномъ управленіи духовныя лица, стоглавый соборъ отнялъ у архіереевъ право безконтрольнаго распоряженія ихъ свѣтскими чиновниками. Прежде всего, соборъ поставилъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ въ прямую параллель съ царскими чиновниками, въ отправленіи ими нѣкоторыхъ обязанностей, такъ что пошлины, напримѣръ, съ различныхъ судебныхъ дѣлъ они должны были получать въ размѣръ, опредѣленномъ судебникомъ для соответствующихъ имъ царскихъ чиновниковъ. Но главное постановленіе стоглаваго собора въ этомъ отношеніи состояло въ томъ, что онъ запретилъ архіереямъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ архіерейскихъ чиновниковъ, каковы: бояре, дворецкіе, дьяки, назначать на ихъ должности безъ согласія царя; теперь только испросивши предварительно согласіе царя, онъ могъ назначать извѣстное лицо въ бояре, дворецкіе или дьяки и при этомъ въ бояре, напримѣръ, могъ производить лицъ только извѣстныхъ, опредѣленныхъ родовъ, а не тѣхъ, кого бы онъ захотѣлъ. Если же у архіерея такихъ лицъ или родовъ не было, то онъ обязанъ былъ донести объ этомъ царю, и тотъ назначалъ ему бояръ изъ своихъ служилыхъ людей. Такимъ образомъ, стоглавый соборъ произвелъ очень важныя измѣненія въ отношеніяхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ къ епархіальнымъ дѣламъ, точнѣе опредѣливъ ихъ права и кругъ дѣятельности, и въ ихъ отношеніяхъ къ архіерею, отнявъ у послѣдняго право безконтрольнаго распоряженія своими высшими чиновниками и подчинивъ ихъ отчасти вѣдѣнію царской власти. Послѣ стоглаваго собора, въ архіерейскомъ епархіальномъ управленіи, а вмѣстѣ съ этимъ и въ судьбѣ свѣтскаго архіерейскаго чиновничества не произошло никакого замѣтнаго измѣненія до патріарха Филарета. Послѣдній, по примѣру царя, учредилъ у себя приказы, сдѣлавшіеся высшими, послѣ власти самого патріарха, церковными правительственными учрежденіями, въ которыхъ засѣдали до послѣдняго времени патріаршіе бояре и дьяки; низшее епархіальное управленіе осталось безъ перемѣнъ и въ это время. Наконецъ, большой московскій соборъ 1667 года, на которомъ присутствовали и греческіе патріархи, и затѣмъ соборъ 1675 года окончательно постановилъ, чтобы свѣтскіе архіерейскіе чиновники были вовсе устранены отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ, что и было по-

томъ приведено въ исполненіе, — всѣ должности по епархіальному управленію были замѣнены теперь исключительно духовными лицами, и свѣтскіе архіерейскіе чиновники, въ качествѣ епархіальныхъ чиновниковъ, прекратили свое существованіе; вообще же они отобраны были у архіереевъ уже въ XVIII вѣкѣ.

Мы не разъ выше говорили, что архіереи управление епархіями чрезъ своихъ свѣтскихъ чиновниковъ считали за самое удобное и выгодное для себя и противились по этому всякой реформѣ, которая имѣла въ виду уничтожить этотъ порядокъ дѣлъ. Между тѣмъ, свѣтскіе архіерейскіе чиновники устраняются отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ по инициативѣ самихъ же іерарховъ, собравшихся на соборъ 1667 года. Правда, на этомъ соборѣ присутствовали греческіе патріархи, которымъ бы, повидимому, можно приписать инициативу соборнаго рѣшенія о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ, но греческіе іерархи сами собою, обыкновенно, не вмѣшивались во внутреннюю церковную жизнь русскихъ и едвалибы рѣшились сдѣлать такой шагъ, который былъ непріятенъ всѣмъ русскимъ іерархамъ, — это было не въ ихъ духѣ. Слѣдовательно, упомянутое соборное рѣшеніе должно принадлежать исключительно русскимъ архіереямъ, которые вынуждены были къ подобному рѣшенію очевидно какими нибудь причинами. Повидимому, эти причины вполне очевидны: съ одной стороны — сознание, что управление епархіальными дѣлами и всѣмъ духовенствомъ чрезъ свѣтскихъ мірскихъ лицъ не соотвѣтствуетъ истинному характеру церковнаго управленія, съ другой стороны — злоупотребленія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, ихъ постоянныя притѣсненія духовенству, жалобы послѣдняго на подобное положеніе дѣлъ. На послѣднее обстоятельство указываетъ и самый соборъ 1675 года, какъ на побужденіе къ отстраненію свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ: «мирстіи судіи духовнаго чина ни въ чемъ да не судятъ и ни въ чемъ не управляютъ... отъ нихъ (свѣтскихъ чиновниковъ) объявилось всякое безчиніе — ко священному чину налоги и обругательство и убытки»¹⁾. Но дѣло въ томъ, что эти причины къ отстраненію свѣтскихъ чиновниковъ отъ епархіальнаго управленія существовали всегда, а между тѣмъ архіереи до послѣдняго времени не только не старались замѣнить ихъ духовными лицами, но еще выражали, какъ мы уже видѣли, свое крайнее

¹⁾ А. Э. IV, № 204, стр. 261.

недовольство, если гдѣ это случалось. Слѣдовательно, кромѣ указанныхъ причинъ, должны были существовать и другія причины, которыя въ XVII вѣкѣ измѣнили взглядъ архіереевъ на значеніе ихъ свѣтскихъ чиновниковъ и заставили ихъ избрать органами своей епархіальной власти исключительно духовныя лица. Такія причины дѣйствительно существовали. Это было, прежде всего, сознание различія между частнымъ архіерейскимъ и епархіальнымъ, вслѣдствіе чего дальнѣйшее управленіе епархією на началахъ частно владѣльческихъ дѣлалось уже невозможнымъ, а слѣдовательно, невозможно было и существованіе въ епархіальномъ управленіи такой администраціи, которая вся была построена на началахъ частновладѣльческаго управленія, почему свѣтскіе архіерейскіе чиновники должны были теперь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ бы они и всегда должны были, т. е. простыми архіерейскими слугами, завѣдывающими только частными дѣлами архіерея и не имѣющими никакого отношенія къ епархіальному управленію. Другою спеціальною причиною къ устраненію свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ были особыя отношенія этихъ чиновниковъ къ высшей свѣтской правительственной власти и стремленіе послѣдней подчинить своему вліянію церковную жизнь. Еще на стоголовомъ соборѣ было постановлено, чтобы архіереи самолично, безъ вѣдома царя, не назначали и не увольняли своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ. Послѣ, во время патріаршества, бояре къ патріархамъ назначались уже царемъ изъ его придворныхъ чиновниковъ, которые, будучи на службѣ у патріарха въ качествѣ его бояръ, въ то же время, въ существѣ дѣла, оставались царскими чиновниками, а между тѣмъ они были предсѣдателями въ патріаршихъ приказахъ и чрезъ ихъ руки проходили всѣ епархіальныя дѣла. Понятно, что архіереямъ не могло нравиться подобное положеніе дѣлъ; они не могли по своей волѣ распорядиться служащими у нихъ чиновниками, принуждены были терпѣть ихъ около себя, давать имъ власть и значеніе въ епархіальномъ управленіи даже въ томъ случаѣ, еслибы назначенные къ нимъ чиновники почему либо и не нравились имъ, ибо уволить ихъ отъ должности они не могли безъ согласія царя. Естественно, что архіереи чувствовали себя крайне стѣсненными такимъ положеніемъ дѣлъ, сознавали, что ради своихъ свѣтскихъ чиновниковъ они не могутъ вполне самостоятельно дѣйствовать даже въ сферѣ епархіальнаго управленія, что высшая правительственная свѣтская власть, ради ихъ

свѣтскихъ чиновниковъ, отнимаетъ у нихъ возможность самостоятельно дѣйствовать и распоряжаться тамъ, гдѣ они всегда считались и должны быть единовластными владыками, куда постороннее вмѣшательство недолжно допускаться. Все это естественно приводило архіереевъ къ мысли совершенно устранить свѣтскихъ чиновниковъ отъ участія въ епархіальныхъ дѣлахъ и замѣнить ихъ духовными лицами, по отношенію къ которымъ архіерей всегда могъ дѣйствовать съ большею самостоятельностью, нежели по отношенію къ чиновникамъ, назначаемымъ и зависящимъ отъ царя. Къ этому же приводило архіереевъ и еще одно обстоятельство: въ 1649 году былъ учрежденъ, такъ называемый, «монастырскій приказъ», вѣдѣнію котораго подчинено было все духовенство ¹⁾, а между тѣмъ составъ служащихъ въ немъ лицъ былъ исключительно изъ свѣтскихъ лицъ, назначаемыхъ царемъ; патріархъ не имѣлъ къ этому приказу никакого отношенія, и онъ былъ собственно приказомъ царскимъ. Это учрежденіе вызвало собою всеобщее недовольство духовенства. Никонъ видѣлъ въ немъ посягательство свѣтской власти на самостоятельность церкви и рѣзко возставалъ противъ монастырскаго приказа, такъ что вопросъ о немъ былъ поставленъ на соборѣ 1667 года, который призналъ существованіе монастырскаго приказа незаконнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, для огражденія церкви отъ посягательства свѣтской власти, онъ сдѣлалъ общее постановленіе, что духовныя лица должны быть судимы только духовными же. Монастырскій приказъ, въ силу соборнаго постановленія о неподсудности духовныхъ лицъ мірскимъ судьямъ, былъ закрытъ, хотя послѣ онъ снова открывался нѣсколько разъ. Послѣ подобнаго отношенія собора къ монастырскому приказу, естественно, становилось невозможнымъ и существованіе свѣтскихъ архіерейскихъ епархіальныхъ чиновниковъ, иначе являлось прямое противорѣчіе: въ одномъ случаѣ говорить, что духовенство неподсудно мірскимъ судьямъ, въ другомъ случаѣ,—что духовенство можетъ управляться и судиться свѣтскими лицами. Очевидно, что простая логическая послѣдовательность, необходимость избѣгать прямого противорѣчія, заставляла архіереевъ въ этомъ случаѣ устранить своихъ свѣтскихъ чиновниковъ отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ, такъ что съ несомнѣнностію можно признать, что борьба

¹⁾ Уложен. гл. VIII.

изъ-за монастырскаго приказа имѣла довольно рѣшительное вліяніе на уничтоженіе свѣтскаго архіерейскаго чиновничества.

Послѣ соборовъ 1667 и 1675 года, устранившихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ, они еще продолжали нѣкоторое время существовать въ качествѣ придворныхъ служилыхъ людей архіерея. Окончательно они прекратили свое существованіе уже въ XVIII вѣкѣ,—они отобранны были по большей части еще Петромъ Великимъ и разосланы были имъ или на различныя службы, или приписаны къ какимъ нибудь сословіямъ, большинство же ихъ взято было въ военную службу.

Такимъ образомъ, свѣтскіе архіерейскіе чиновники съ тѣми правами и полномочіями, какія даны были имъ въ древней Руси, составляютъ особенность только русской церковной жизни, которая не можетъ быть объяснена никакими посторонними, внѣшними вліяніями. Именно только въ условіяхъ тогдашней русской государственной и церковной жизни мы находимъ такія стороны, которыя объясняютъ намъ причины, вызвавшія собою появленіе свѣтскаго архіерейскаго чиновничества, тѣ условія, которыя дали этому институту извѣстный складъ и фizioномію, которыя обусловливали то или другое его развитіе, поддерживали въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій его существованіе и потомъ вызвали упадокъ и наконецъ самую смерть этого института, такъ что все относящееся до свѣтскаго архіерейскаго чиновничества, — его рожденіе, развитіе и смерть, — совершилось исключительно на русской почвѣ, въ кругѣ и подъ вліяніемъ особенностей чисто русской жизни, почему искать начало и корень его происхожденія внѣ русской жизни было бы совершенно бесполезно и безцѣльно.